

Вероника Мелан



Уровень
ВОЙНА

Город

Вероника Мелан

Уровень. Война

«Автор»

2014

Мелан В.

Уровень. Война / В. Мелан — «Автор», 2014 — (Город)

Она не хотела ни убивать, ни мстить, но велик ли выбор, после того, как ты побывал на войне и потерял всех, кого любил? Вернувшись со странного Уровня, на который попала помимо собственной воли и где провела более двух месяцев, Ани-Ра Эменхайм живет одной единственной идеей – убить Дэйна Эльконто – главнокомандующего злосчастливым местом и по совместительству того, кто повинен во всех ее бедах. Но, совершая очередной шаг мести, она еще не знает о том, что в программу судьбоплетения закралась намеренная ошибка, как не подозревает и о том, что совсем скоро окажется сожительницей своего врага. В одном доме, под одной крышей. А все потому, что после стычки лицом к лицу с самым ненавистным ей человеком, Ани-Ра – ни больше не меньше – потеряет память.

© Мелан В., 2014

© Автор, 2014

Содержание

Пролог	5
Глава 1	6
Глава 2	20
Глава 3	33
Глава 4	40
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Вероника Мелан

Уровень. Война

Пролог

Два месяца – это много или мало? Какими были последние два месяца вашей жизни: привычными, монотонными, наполненными суетой, делами, насыщенными, запоминающимися, выдающимися, тусклыми? Протекли медленно или быстро? А любые два месяца год назад? Были, и нет. Вы едва помните их, ведь так?

Просто два месяца.

Для Ани Эменхайм шестьдесят четыре дня изменили все: мышление, мировоззрение, планы, течение будней, сломали старые приоритеты и возвели новые, вывернули наизнанку смысл жизни. Потому что, когда попадаешь на войну – хотел ты того или нет – любая война перестает быть чужой и становится твоей собственной.

Глава 1

(Ange – Some Day (Perception Of Sound remix))

Сегодня она убьет человека.

Она знала это так же точно, как и то, что сегодня вторник, на часах половина шестого, а завтра на востоке взойдет солнце.

Мокрые стекла полутемной комнаты запотели, но еще не время протирать их – позже.

Сидя на единственном деревянном стуле, полуразвалившемся и поскрипывающем, одетая во все серое девушка, привычным движением руки нащупала в кармане пачку сигарет, вытащила одну, закурила. Выпустила облако дыма, поморщилась, посмотрела на грязный пол и свои ботинки – новые и чистые, неподходящие по размеру, мужские.

Тяжесть лежащей на коленях снайперской винтовки успокаивала; Ани-Ра Эменхайм чувствовала, как минуты текут сквозь ее тело и сквозь бетонные стены, как настоящее превращается в прошлое, как давно ставшая привычной ненависть, медленно сменяется спокойным, мрачным удовлетворением.

Он умрет сегодня. Да.

Наконец-то.

Нет, она была не настолько глупа, чтобы предполагать, будто в смерти есть что-то прекрасное – она всегда была, есть и будет отвратительной и грязной, однако наряду с этим, было в ней что-то непреодолимо притягательное, влекущее. И сегодня самое время, чтобы призвать темную властительницу, указав прицелом на человека, который должен без очереди предстать и поклониться ей.

Винтовка позаботится об этом.

Еще одна затяжка. Еще одно облако дыма.

Сколько минут, часов, дней, она мечтала об этом? Ночами, когда лежала на земле в разрушенных строениях, пытаясь уснуть, боясь уснуть. Смотрела на звезды сквозь провалившиеся крыши и арматуру, дрожала от холода и думала о том, что лучше бы и вовсе не просыпаться утром в месте, где солнца не видно из-за копоти и гари, где с вечера оно тонуло в океане крови, чтобы вновь подняться красным.

Тогда жажда мести спасала, держала на плаву, призывала жить, давала силы, которых ни на что не оставалось. Впивались в ладони ногти, пульсировало в голове болью – убить, убить, убить. Однажды она вернется хотя бы для того, чтобы убить.

Что ж, вернулась.

Сколько раз гнев сменялся волчьей тоской, тоска безнадегой, а безнадега новой волной черной ненависти? Замкнутый круг, которому пришла пора положить конец. Как много бы она отдала за то, чтобы никогда не познать желание мстить, но ее никто не спрашивал тогда, а она никого не будет спрашивать теперь.

Дым разъедал глаза, время ползло со скоростью улитки.

Ани отложила винтовку с коленей, поднялась со стула и открыла форточку. Глаза нужно беречь, оптический прицел жаждет стопроцентного внимания, и хотя в магазине десять патронов, именно первый должен стать последним.

Глядя в окно с третьего этажа, она слегка покачивалась из стороны в сторону, стараясь расслабить тело и вернуть затекшим мышцам необходимый тонус. Стоя – самое сложное для стрельбы положение. Лежа можно было бы не думать о балансе, контроле наклона корпуса, устойчивости оружия, но выбирать не приходилось – только отсюда цель видна как на ладони, только здесь есть шанс остаться незамеченной и вовремя скрыться. На секунду мелькнула мысль, не использовать ли ремень, чтобы погасить вероятные колебания ствола, но ее

пришлось отбросить за ненадобностью – руки привычны к нагрузке, выдержат. Война оставила много шрамов на душе и на теле, но научила вниманию и сосредоточенности, выдержке и терпению, кислотой выжгла эмоции, заменила горячую кровь жидким азотом. Теперь Ани умела стрелять в людей и не испытывать боли. Теперь она много чего умела, хотя когда-то была совершенно обычной девушкой.

Да, обычной. Как все.

Парадокс.

Время риторических вопросов «за что?» давно прошло, и теперь сквозь прямоугольный проем открытой форточки серо-зеленые глаза равнодушно смотрели на то, как набухают и тяжелеют облака; вдалеке глухо рокотал гром. Когда брошенные резким порывом ветра дождевые капли обрушились на холодную чуть мутную гладь стекла, Ани отошла вглубь комнаты, села на скрипнувший стул и посмотрела на часы.

Ждать осталось сорок минут.

(Digital Daggers – The Devil Within)

Он подъехал вовремя.

Но когда за первой машиной – черным внедорожником – припарковалась еще одна, незапланированная, накатило беспокойство. Из второй машины вышли трое, одновременно с этим, дверь джипа распахнулась, и на землю ступила нога в тяжелом, доходящем до середины голени, зашнурованном ботинке.

Ани чертыхнулась – слишком много вооруженных гостей – попадет или промахнется, бежать будет в разы сложнее, но тут же уняла взметнувшееся раздражение – все получится. Как-нибудь. Получится. Медленно выдохнула, уперлась локтем в бок и, стараясь, чтобы винтовка не «ходила», отклонилась назад. Превратилась в комок «глаз – палец – спусковой крючок», сосредоточилась на изображении в прицеле.

Цель была одета, как и всегда: хлопковая майка, узкие джинсы, черный до земли плащ. Намокшие светлые волосы слиплись короткими прядями, по лицу тонкими струйками стекала вода.

Вот и ты – Дэйн Эльконто. Уже не впервые Ани задумалась о том, сможет ли хоть раз произнести это имя вслух без содрогания и ненависти? Без спазма в животе, без отворачивания в голосе, не ощущая, как кольца гнева душат внутри все живое? Нет. Абсолютное и однозначное нет. Спокойствие не вернется, пока эти шнурованные ботинки будут топтать землю, а плащ полами мести пыль на ней. Либо она, либо он. Двоим в этом мире места нет – слишком тесно.

Будто в осуждение за тяжкие мысли, над крышей соседнего дома сверкнула молния, на короткий момент выбелив улицу, а следом за вспышкой прокатился раскат оглушительного грома.

«Гневайся, небесный Отец, гневайся – твои слезы мне только на руку. Но помни, что ни ты, ни наличие этих неожиданных гостей, не помешают мне теперь...»

Прицел следовал за коротким ежиком волос, словно приклеенный – казалось, между головой и дулом протянулась невидимая нить. Чуть левее, чуть правее... объект наклонился, вынырнул из-за дверцы, в руках коробка... Ответил на чей-то вопрос – открылся и закрылся рот, моргнули светлые глаза...

Ани казалось, она смотрит в микроскоп и видит абсолютно все: поры на лице, щетину на шее, вены на лбу и даже слышит размеренный стук сердца – его или свой собственный?

Комната вдруг сжалась до размеров кладовки – тесно, нечем дышать.

Цель развернулась, захлопнула дверцу джипа, нагнулась за отставленной на землю коробкой, поднялась – стало видно, как с заплетенной на затылке косички стекает на плащ дождевая вода – голова качнулась вновь...

Сейчас или никогда.

Пальцы правой руки мертвым хватом сжали шейку приклада, вдавленный до половины курок, плавно, но неумолимо пошел назад.

Секунда. Еще полсекунды.

Раздался негромкий для тех, кто находился на улице, но оглушающий для нее самой выстрел.

Она прошагала уже два квартала, а крики за спиной, казалось, все продолжали нестись следом – короткие и отрывистые, как карканье ворон. Топот ног, скрытые полами одежды пистолеты с лежащими на курках пальцами, бороздящие всех и каждого взгляды, сужающееся кольцо. Конечно, она ведь не думала, что следом за джипом пожаловала желающая полюбоваться достопримечательностями двухэтажного крытого склада группа туристов – то была группа ублюдков, таких же солдат, как и он сам.

Дэйн.

Которого она не убила, ранила.

Сучий день, проклятый дождь, проклятая ошибка, когда с неба вновь раздался грохот, и белобрысая голова (когда? Когда?!) отклонилась на сантиметр влево. Именно тогда, когда сверкнуло во второй раз.

Сучий день! Сучий-сучий-сучий... Неудачный для нее, но крайне счастливый для этого уroda по фамилии Эльконто.

Ничего, будет еще, будет другой.

Лямки гитарного чехла, куда она спрятала винтовку, давили на плечи. Специальный чехол, большой – она заказала его в магазине, сообщив, что ее инструмент превосходит привычные размеры – старый мастер не стал упираться, смастерил запрошенное за несколько дней. И теперь никто не мог бы признать в бредущей под дождем девчонке, с наушниками поверх мокрых волос и в цветастой курточке, снайпера. Нет, она просто музыкантша, уличная гитаристка, пытающаяся заработать на жизнь с помощью разложенного чехла, пения и выдавшего виды музыкального инструмента. И никому нет дела, что наушники в такой ливень, скорее всего, испортятся и выйдут из строя – в них все равно звучала, лишь сотрясаемая стуком ее сердца, тишина.

А за спиной – то ли в воображении, то ли наяву, грохотали голоса и мужские подошвы.

Она ранила его, ранила в шею – не выполнила задание, но выявила себя и подняла тревогу. Плохо. Придется залечь на дно и придумать новый план – тот, что не закончится неудачей.

Не позволяя себе обернуться, Ани липово-беззаботным шагом шлепала по лужам – мужские сапоги она выбросила в урну, заменила их промокшими за секунду легкими летними кедами. В этот момент она одинаково сильно ненавидела грозу, себя, Эльконто, а заодно и весь окружающий мир.

* * *

– Отпечатки подошв – это все, что у нас есть?

– Да. Это все.

Дэйн Эльконто – руководитель Уровня: Война, осматривая комнатушку в заброшенном здании напротив оружейного склада, напоминал пса, который присматривается, принимается, порами кожи впитывает невидимую для других информацию.

– Ни остатков пороха, ни следов от оружия, ни гильзы? Сделать экспертизу воздуха! – Крикнул он стоящим в проходе мужчинам. – Быстро! Пока все не выветрилось к ядрене-фене.

Прижимая окровавленную ладонь к шее, он быстро подошел к форточке и захлопнул ее, осмотрел оконный шпингалет, но прикоснуться не стал – возможно, сохранились отпечатки.

– Дэйн, я должен осмотреть твою шею. – Следующий по пятам доктор хмурил широкие брови и с беспокойством смотрел на выталкивающую кровь рану – красные блестящие дорожки протянулись поверх плаща и под него. – Ты теряешь кровь.

– Я теряю время! – Гаркнули в ответ зло. – Какая-то собака посмела в меня выстрелить, и ушла после этого живой.

– Ее поймают.

– Конечно, поймают. Только следы, бл№!%ие следы, поверить не могу. Ничего больше...

Стивен Лагерфельд – врач отряда специального назначения – проследил за напряженным, застывшим взглядом серо-голубых глаз, упершимся в пол – туда, где в пыли виднелся четкий отпечаток подошвы мужского ботинка – все остальные были смазаны или затоптаны.

– Знаешь, что мне странно? – Вдруг тихо произнес Эльконто, сменив злой тон на задумчивый. Медленно приставил свою стопу к виднеющемуся следу и надавил. Затем так же медленно и осторожно убрал ботинок. Текущая по шее кровь начинала всерьез волновать доктора.

– Что?

– Тот, кто стрелял, был гораздо легче меня по весу.

– Почему?

– Сравни отпечатки подошв.

Действительно, свежий след выглядел четче, «тяжелее».

– Возьмем это на заметку. А теперь пошли на склад, я должен осмотреть твою шею.

Дэйн нехотя оторвался от изучения пола и еще раз втянул в легкие зависший в воздухе запах пороха – между бровями залегла тяжелая недобрая морщина, а взгляд уперся в стену. Через секунду он зло процедил.

– Убью эту тварь.

* * *

(Rng – This Is My Life (Radio Edit))

Полтора часа она кружила под дождем, меняя направление, как спугнутая с мусорных баков крыса – убеждалась, что следом нет «хвоста», а когда устала, обнаружила себя стоящей в центре города, у лавочки, на которой когда-то любила сидеть.

Ани огляделась вокруг – морось, серость, висящий над зданиями и тротуарами туман – и поняла, что проголодалась. Дошла до ближайшей забегаловки, купила в пропахшем пережаренным маслом помещении картошку, пирожок с мясом и лимонный напиток в высоком, завинченном полупрозрачной крышкой стакане, но есть в дешевом кафе не стала – заляпанная пятнами стойка вызывала омерзение – вместо этого вышла под дождь и побрела обратно к лавочке.

Села на мокрые доски, чехол зажала между коленями и открыла бумажный «кармашек» с картошкой. Закинула дольку в рот, запила пахнущим красителями напитком, поморщилась.

Когда-то она следила за питанием, как одержимая. Каждую неделю спорт, и не один, а три раза, продукты только высокого качества и сплошь натуральные – никакого лишнего жира, никаких добавок, никаких консервантов. Гордилась собственными привычками и телом, постоянно подбивала Инессу ходить с ней в спортзал.

Где теперь пухлая и веселая Инесса? Наверное, там же. Работает в отеле «Левенталь» вторым администратором – нет, первым. А вторым, вместо Ани, работает кто-то еще – ведь два с половиной месяца прошло, наверняка кого-то взяли. Конечно, взяли, как же еще...

Напротив, через канал, вдоль которого тянулся выгнутый пешеходный мост – блестящий от дождя и пустой, – застыл дом с оранжевыми стенами – тот самый дом, в котором она два года подряд мечтала купить квартиру. Казалось бы, обычный дом, обычная квартира, но нет,

для Ани все в нем было необычным. Расположение в самом центре напротив небольшого окруженного водой островка, куда можно было бы ходить по утрам на прогулки, узорная лепнина на стенах, чердак с треугольными окошками и роскошные просторные Квартиры с большой буквы. Чудесное место: мостик, высокие липы, линия старого трамвая, рядом оперный театр. Ани-Ра мечтала, что однажды будет жить в оранжевом доме на третьем этаже, выходить с чашкой кофе на балкон, любоваться цветастой зеленью острова, вдыхать утренний аромат умытого росой города...

Помнится, сидящая рядом Инесса всегда смеялась, что вот уж где не стоит искать утренней свежести по утрам, так это в самом центре, но Ани продолжала мечтать.

Раньше.

Два с половиной месяца назад она верила, что однажды накопит нужную сумму, даже кое-что отложила – смехотворные по сравнению с ценой за подобную квартиру накопления, – но все шло вперед и однажды обещало прийти к результату. Вот только пришло оно совсем не к тому результату, который Ани для себя планировала.

Картошка в «кармашке» закончилась, настала очередь промасленного пирожка. Ани мерзла, но все никак не могла заставить себя уйти, что-то держало здесь, где осталась и, казалось, застыла навсегда часть ее прошлого. Теперь эта часть сидела рядом с ней на лавочке, звенела далекими голосами, смехом, теплыми солнечными лучами, разговорами прохожих. Тогда рядом сидела и Инесса.

Мимо лавочки прошли двое молодых парней – приостановились, когда увидели обедающую музыкантшу, спросили, не желает ли она для них сыграть на гитаре – мол, они хорошо заплатят, – и Ани, вспомнив про упакованную в чехол винтовку, улыбнулась так странно, что диалог оборвался, не начавшись. Парни молча переглянулись и поспешили прочь.

Инесса...

Нет, Ани не перестала ее любить – розовощекую, кудрявую, вечно радостную, – вот только навещать, теперь не спешила. Что она ответит на вопрос, где была последние два месяца? *Почему пропала и ничего не сообщила? Тебя ведь уволили, представляешь! Уволили без права восстановления в должности... Хоть бы записку написала. А то и я, и Том волновались очень, ты ведь, наверное, решила отпуск устроить? Да?...*

Отпуск.

Из этого «отпуска» Ани-Ра вернулась другой – с трещиной посередине, которую не замазать пудрой, не замаскировать улыбкой, с каньоном, что протянулся от лба и до пупа.

Что с тобой? Что случилось, Ани? – слышался в голове встревоженный голос бывшей подруги. И что ответить? Что она больше не та Ани, которой была когда-то? Что той Ани больше нет и не будет? Простите, что зашла навесить вас, чудачка, я просто хотела сказать, что все изменилось и изменилось слишком сильно...

Нет. Не нужно ходить в гости. Когда-то друзей и знакомых было много – теперь нет. Может, и хорошо. Люди хрупкие – теряются, уходят, едва успеваешь их полюбить, умирают на твоих руках. Довольно.

Ани допила едкий лимонный напиток и зачем-то потрясла тару – зашуршала о дно пластиковая трубка; пустой стакан отправился в урну.

Как сильно, однако, может измениться жизнь: раньше слово «хорошо» означало радость. Хорошо получить очередную зарплату, хорошо прогуляться с подругой, хорошо урвать для себя час-другой и сходить за покупками. Хорошо раз в две недели завалиться на диван с чипсами и посмотреть полюбившийся фильм – расслабиться, отпустить вожжи, наесться запретного мороженого, и уснуть сытой, как бурундук...

А теперь смысл у «хорошо» выцвел – стал недоступен. Слово осталось, а ощущения пропали. Не нужно квартиры в оранжевом доме, не нужно Инессы рядом, вообще ничего не нужно. А хорошо то, что сегодня ее не поймали, не скрутили и не убили. Хорошо, что будет еще один

шанс осуществить месть – единственное, что важно. И хорошо, что однажды она ее осуществит.

Ани сжала челюсти, поднялась, закинула вымокший чехол за спину, зачем-то натянула молчашие, неподсоединенные к плееру наушники и побрела в старую квартиру на Ривертон-драйв.

* * *

– Значит, у меня появился личный враг.

Они стояли у полуразвалившейся каменной кладки – единственной, частично уцелевшей стены, над поверхностью подземного бункера. Под ногами множество ходов, экранов и кабинетов – штаб управления Уровнем, а сверху черное облачное небо без единой звезды. Колыхалась от ветра трава – коричневая, выжженная; здесь, в этом месте редко звучали выстрелы и рвались гранаты; повстанцы сюда не добирались, а солдаты предпочитали отдыхать внизу. Что делать на поверхности, где лишь заросшие бурьяном черные камни и никогда не слышно стрекота сверчков. Эльконто сомневался, что в этом забытом Создателем месте вообще водятся насекомые. Шуршал в его руках пакет с печеньем, изо рта доносился хруст пережевываемых крекеров.

Лагерфельд стоял рядом – руки в карманах широких штанов, куртка расстегнута, душно. Смотрел на небо, покачивался на подошвах мягких ботинок, молчал.

– Пришел отчет. – Дэйв вытер с губ крошки и потянулся за новым печеньем. – Знаешь, что в нем сказано? Стрелком был либо тощий парень, либо...

– Девушка. – Закончил доктор и кивнул чернильному небосводу.

– Ты веришь, что это возможно? Девушка в руках с МБ-12. Стреляли именно из нее. Не из «пукалки», не из дешевого пугача, не из любительской «Ванны», как я вначале подумал.¹. А из МБ!

Эльконто смачно выругался и вздохнул. Даже перестал шуршать пакетом.

– Я бы сам ее выбрал, если бы хотел пришить кого-нибудь. Отличная машина. Но только не тогда, когда из нее целятся в тебя самого.

– Может, целили не в тебя?

– Угу, не в меня... как же.

На горизонте вспыхнуло короткое зарево – звук от взрыва до бункера не долетел, лишь прохрустела под подошвами галька. Какое-то время мужчины стояли молча, слушали колышущий сорняки ветерок, вдыхали долетевший с очередным теплым порывом, запах гари. Затем Эльконто не удержался и съязвил.

– Что-то мы с тобой не как «настоящие» мужики. Стоим, не курим. Ни самокруток, ни табака.

Доктор хмыкнул.

– Наверное, в нас уже превышен запас плохих качеств.

В рот двухметрового собеседника отправился новый крекер; качнулся полупустой полиэтиленовый пакет.

– Это каких?

– Ну, ты, например, жрешь слишком много печенья, ругаешься матом и любишь плоские шутки.

– Да? А ты?

– А я все это слушаю.

¹ Здесь имеется в виду ВаН-ДХ – учебная снайперская винтовка, используемая для подготовки и обучения армейских рекрутов. Здесь и далее примечание автора.

– Бедолага! – Эльконто расхохотался, и раскушенные половинки крекера вылетели изо рта на чахлую траву.

– Плюешься еще. Причем, не так метко, как стреляешь.

– Я тебе по шее сейчас дам!

– Видишь? Не ценишь заслуг, а доктор, между прочим, старается...

– Стив...

– Не поперхнись. Задолбался я тебя чинить уже.

На угрожающий рык Лагерфельд отреагировал дружеским хлопком по затянутому в кожаный плащ плечу.

– Пошли внутрь, работа ждет.

Через минуту, когда стих шум шагов, ветер принялся теревить коричневые стебельки над лежащими в траве остатками печенья.

* * *

(The Gossip – Get A Job)

Промокшие штаны она замочила в тазу с мыльной водой – не стала включать стиральную машину – соседи снизу жаловалась, когда та в процессе отжимания начинала елозить по кухонному полу, а привлекать внимание соседней к тому, что жительница квартиры сверху спустя два с половиной месяца вернулась домой, Ани не хотела. Пусть думают, что там все вымерли – ни телевизора, ни музыки, ни громких слов или шагов. Отсыревшие кроссовки поставила в раковину – сполоснет их мыльной водой после стирки штанов, затем отправилась в гостиную, где на столе, лежа на упорах, уже находилась приготовленная для чистки винтовка.

Подойдя к шкафу, Ани нагнулась и достала из-под него небольшой чемоданчик: принесла к столу, извлекла на свет длинный «шомпол», несколько насадок для наконечника и бутылочку с маслом. Пора почистить оружие – все любят заботу. Все, даже металлические детали, и именно они в последнее время служили ей помощниками больше, чем кто-либо еще.

Пальцы осторожно развернули тряпочку, разложили на столе, затем потянулись к лежащей рядом пачке сигарет, придвинули пепельницу; в открытое окно потянулся сизый дым; сощурились серо-зеленые глаза.

Процесс чистки успокаивал размеренностью и неспешностью: мысли, клубы дыма, дымящийся в уголке квадратной ванночки окурков. Извлеченная спираль блестела от жира; скрутившись дохлой змейкой, свисал с тумбочки шнур от объемистых наушников, висела на вешалке в коридоре одинокая цветастая курточка – по-весеннему яркая – насмешка над настроением внутри и за окном.

(Googoosha – I Live)

На улице сгустились синие сумерки; по подоконнику, разбрызгиваясь на покрытый линолеумом пол, стучали дождевые капли.

Методично меняя насадки на длинном пруте, Ани думала о тех объявлениях, которые прочитала сегодня в газете.

«Специалист. Оплата высокая. Анонимность» – таких или подобных этому нашлось штук шесть.

«Специалист» – сжатые в полоску губы растянулись в усмешке. Конечно, как еще назвать наемного убийцу, не «мясником» же? Мясником – это когда нужен мучитель для жертвы, а если хотят тихо, тогда «специалист» или «профессионал».

Она потратила несколько часов, размышляя, решила бы сама на подобное или нет: делов-то – получить пакет, фото, детали, а после оплату – очень высокую, к слову, оплату. И это за час-два работы, если не считать предварительной подготовки.

Выстрел. Просто еще один выстрел. Мужчина или женщина... Сколько таких выстрелов звучало совсем недавно? Через какое-то время они даже перестали пугать, стали обычными, «нормальными»... Но, вернувшись, в Нордейл, станет она стрелять? В невиновных? Хотя, если заказали, значит, виновный? И суммы в конвертах достойные – могли бы очень помочь в оплате информаторов, на которых уже ушла приличная часть накопленных когда-то средств.

Один звонок, фраза – «готова взяться за работу», а после пухлый приятный на ощупь конверт; зажатый в губах дымился очередной окурком; дым выедал глаза.

Станет стрелять? Или не станет?

А если эти мишени – мужчины/женщины – кому-то так же ценны, как ей когда-то Ирен, Лиам, Мишель, Вали, Рон... Как ни за что когда-то умерли они, так теперь, прими она такое решение, бесцельно и беспричинно может умереть кто-то еще. Одно нажатие на курок, один патрон.

Профессионал.

В чем?

Ани отложила шомпол на стол, поднялась с дивана и подошла к открытому окну, откуда тянуло прохладой и сыростью, запахом асфальта и мокрой земли, потерла лоб и еще раз глупо затянулась дотлевшей почти до фильтра сигаретой. Посмотрела на стену дома напротив, подумала о том, что всегда ненавидела эту картину – эту лысую кирпичную кладку с рядом безликих окон и тянущейся вдоль этажей ржавой пожарной лестницей. Если бы не она, была бы видна проезжая часть, фонари, свет, городская жизнь...

Сможет она выстрелить в невиновного? Сможет без чувств смотреть в прицел на того, кто не подозревает о том, что именно сейчас длится его последняя минута. Дожила она до такого или нет?

Когда сигарета обожгла губы, Ани щелчком запустила ее в открытое окно.

Окурком, кувырка, пролетел четыре этажа и шлепнулся в лужу.

Тот день, когда все случилось, она, без преувеличения, вспоминала, наверное, раз двести: каждую деталь, каждое слово, каждый жест – свой и чужой, все пыталась понять, в чем кроется разгадка. Почему в тот день? Почему «вообще»? Сканировала в памяти дорогу, по которой двинулась, одетая в легкую блузку и юбку, от дома к отелю, пыталась выхватить в воспоминаниях расхождения или несоответствия с любым другим похожим на тот день, но все никак не могла отыскать их – тщетно.

Все было, как обычно.

Шпильки, пакет с обувью в руках, купленный на углу стаканчик кофе, светофор, ожидание, пока загорится зеленый свет, стоящая рядом пожилая женщина, держащая морщинистыми руками за концы цветастого повязанного вокруг шеи платка. На небе ни облачка, погода отличная, настроение ровное. Мимо пронеслось несколько машин, и Ани, помнится, задумалась, не стоит ли ей рассмотреть покупку собственной, чтобы не сбивать ноги, проходя одни и те же несколько кварталов. Но ведь прогулка в двадцать пять минут не такая долгая – зачем машина?

В отель она пришла вовремя – переделась в форму, поправила на груди табличку с именем, проверила в коридоре у зеркала прическу и сменила уставшую во время ночной смены Инессу.

– Все в порядке?

– Ага. Можно я хлебну твоей кофе?

– Вообще-то, мне нельзя проносить его за стойку до обеда.

– Вот я с собой и заберу.

– Умная какая...

Просмотрела папку с подписями гостей, окинула взглядом полупустую стойку с электронными ключами от комнат, вдохнула ставший привычным запах дерева, кожи, ковров и дорогих духов, проводила взглядом проехавшие следом за носильщиком бежевые чемоданы на колесиках, ввела в программу пароль – подтвердила, что администратор Ани-Ра заступила на работу вовремя, – и приветливо улыбнулась проходившему мимо незнакомому мужчине в сером костюме. Подумала, что ему, наверное, будет жарко на улице – день солнечный, даже душный. Потом увидела, как незнакомец, пройдя стеклянную «вертушку» вышел на улицу и сразу же сел в длинный черный седан, и тут же забыла о нем – окунулась в работу.

Высокие потолки с лепниной, поток знакомых и незнакомых людей, приклеенная, будто нарисованная на стикере поверх губ, чужая улыбка, переходящая от гостя к гостю шариковая ручка, голоса, шутки шоферов и носильщиков, подносы с кофе на столах перед ожидающими отъезда гостями, желание поскорее пообедать...

Что она сделала не так? В чем ошиблась и ошиблась ли вообще? Почему позже произошло то, что произошло? Где ключ, ответ на один и тот же мучающий удушающий сейчас и тогда вопрос?

Не было ни ссор с коллегами, ни особенных проблем с гостями или начальством – пожилой постоялец не в счет – да, он был недоволен тем, что за продукты из холодильника выставили отдельный счет, но они уладили проблему, заявив, что в этот раз отель возьмет расходы на себя, однако, они будут рады, если мистер Раткинс – она почему-то запомнила его фамилию – запомнит эту маленькую деталь. Разошлись полюбовно.

Стоящей у мокрого подоконника Ани вновь показалось, что она прячется возле одной из колонн – серая и неприметная, – в то время как ее прищуренные внимательные глаза наблюдают за другой находящейся за стойкой, беспечной и радостной Ани. Ключевой день, сошедшее в одной точке время, непохожие друг на друга двойники одной и той же женщины, болезненно напряженный, пытающийся отыскать закравшуюся в систему ошибку, разум – где-где?

Почему с ней?

Тянущееся после обеда время, желание вздремнуть, легкая зависть при виде одетых в легкие полупрозрачные ситцевые накидки и купальники под ними женщин – идут в крытый бассейн, чтобы насладиться прохладной водичкой, беседой за стаканчиком коктейля, а после, наверное, посетить ласкового улыбчивого массажиста с мягкими теплыми руками. Везет же...

Форма давила подмышками, улыбка начинала раздражать, как случалось всякий раз, когда время клонилось к шести вечера, а солнечные лучи сквозь высокие окна начинали бить прямо в глаза. Какая неудачная планировка стойки – ткнуть бы архитектору планом проекта этажа прямо в зубы...

Потрясно, что и дальше все шло по накатанной. В семь часов за стойку заступила дежурный администратор – рыжая Элина, – она принесла два стакана с дымящимся кофе – знала привычки коллеги. Ани поблагодарила и, подхватив горячий картон, с облегчением покинула рабочее место. В раздевалке радостно скинула неудобные туфли, развязала узел шелкового платка, повесила форму на плечики, переделалась и закрыла кабинку.

Тогда ей было неизвестно, что до момента «икс» осталось лишь десять минут. Жалких десять минут...

Не могла ли Элина подмешать что-то в кофе? Некий вызывающий галлюцинации препарат? Но зачем? И, опять же, любой наркотик имеет лишь «виртуальное» действие, но никак не переносит человека с одного места на другое – глупая мысль, абсурдная. Однако сколько таких абсурдных мыслей прошло через мозг за последние два месяца? Много, слишком много.

Вытащив из пачки новую сигарету, Ани-Ра шелкнула зажигалкой; на улице стемнело, дождь не прекращался. Нужно вспомнить еще раз (надоело! Но плевать, что надоело, она должна.), все то, что произошло после. Эти обычные на первый взгляд, и в то же время совершенно необычные, но ставшие обратным отсчетом перед роковым событием минуты.

Путь домой выглядел привычно: пересечь парковку, обойти полукруглую площадь, а за ней проспект, дождаться на светофоре зеленого. Пока мимо неслись машины, Ани-Ра с облегчением ощущала касание к телу легкой блузки – эта, в отличие от формы, не давила в подмышках, – и думала о том, что приготовить на ужин. Она пойдет в магазин, тот, что ближе к дому, купит охлажденную курицу, разделает кусочками, замаринует и зажарит в специях – чем не план? Определившись с едой, освобожденные от обязанности оставаться сфокусированными мысли, тут же переключились на разговор недельной давности с начальником – в нем Ани отказалась от отпуска, обосновав решение тем, что хочет накопить больше денег. А острова? Ведь она хотела на острова? Жаль, но придется провести лето в фойе высокой гостиницы – терпеть бьющее прямо в глаза по вечерам солнце и тихо сожалеть о том, что это лето увидит кто-то другой. Ничего, случается.

Шумный проспект остался позади; мимо потянулись пятиэтажные дома с кованными, ведущими к подъездам лестницами, подстриженные в форме шаров кусты и аккуратные зеленые газончики – все, как один, прямоугольные. Садовник любил геометрию?

Ничего, пусть не острова... Это лето она проведет в Нордейле с Инессой и Томом: кино, боулинг, парк развлечений – найдутся занятия. Сама не заметит, как пролетят самые прибыльные по зарплате три месяца (которые приблизят ее на сантиметр по километровой трассе к квартире – противная мысль – кышь, кышь!), а там можно будет подумать об отпуске. Главное, не устать, не судиться – правильно питаться, ходить в спортзал, чтобы, когда придет пора натягивать купальник, за себя не стало стыдно. А то ведь мороженое, понимаешь... Есть такой извечный соблазн.

Ряд домов прервался небольшой свободной от машин улочкой – Ани процокала по ней на каблуках легко и бездумно. Справа вновь поплыли похожие друг на друга, как близнецы, дома. Еще два квартала и магазин. Глаза выхватывали прикрепленные у дверей номера квартир – десятая, двенадцатая, четырнадцатая... Интересно, а нечетные номера идут по обратной стороне? Всякий раз задаваясь одним и тем же вопросом, Ани каждый раз ленилась проверить – не пошла и в этот раз; переступила через трещину на асфальте, услышала, как по пластиковому пакету проскребела длинная ветка куста, будто потрогала – что там внутри? – задумалась о чем-то несущественном и в этот момент почувствовала, что начинает проваливаться.

Проваливаться – странно сказано. Стабильный мир вокруг покачнулся, вздрогнул, но тут же выпрямился, а вот мгновенно просевшая в коленях Ани, начала падать. Почему? С чего? Запнулась? Плохо себя почувствовала? Мысль о крике даже не пришла ей в голову – вокруг ни души, а горло перехватило тисками. Вокруг лето, вечер, неподвижные позолоченные закатными лучами шапки кустов, а ее лицо неумолимо, словно локомотив, приближается к асфальту. Ближе, ближе, ближе... Она, наверное, раскроит лоб, а через минуту у ее тела соберется толпа – будут охать, такая молодая! Такая хорошенькая, а... Неуклюжая дура-растяпа...

Додумать Ани не успела. Перед самым столкновением с землей зажмурилась, выставила вперед ладони, приготовилась к боли – к страшному ее количеству, – но боль так и не пришла.

Она пришла позже.

Пришла и погрузила в себя следующие за этим шестьдесят четыре дня – от точки входа и до точки выхода.

Так и не раскрывая глаз, Ани интуитивным образом ощутила, что привычный мир исчез.

В другой жизни.

Вокруг грохотало так, что, казалось, рвались барабанные перепонки.

Сверху сыпалось, в кожу ладоней впились края острых раскрошенных камней, а ноздри и горло заткнул непривычно горький и плотный, словно комок пережеванной ваты, запах дыма. Глаза не видели ничего, кроме серого неба и раскинувшейся до самого горизонта голой, безжизненной равнины. Справа автоматная очередь – слишком близкая и рвущая, с каждым выталкиваемым из ствола патроном, душу наизнанку, позади низкая обрушенная стена. И чей-то хрип:

– Суки! Не выйдет меня взять, суки!

Автомат гавкал отрывисто и зло, на износ.

Ани повернула голову и увидела, что рядом, то высываясь из-за насыпи, то прячась за нее же, пережидая, пока на полукруглый шлем осядет очередная порция пыли, сидит одетый в военную форму человек. Злой, с перекошенным лицом и лихорадочно блестящими глазами, мужчина. Очередная порция брани, очередная порция автоматной очереди.

Она зажала ладонями уши – еще секунда, и черепная коробка треснет, развалится на куски, словно перезревший арбуз, а если не треснет череп, то треснет что-то еще, что-то глубже. Находящееся рядом дуло потряхивало, как в ознобе; чужие, обнимающие приклад пальцы с грязными ногтями, побелели.

Сквозь зажатые уши и помутившееся от шока сознание она не сразу поняла, что произошло дальше. Новый взрыв, кладка за спиной вздрогнула, а мужчина... или то, что раньше было мужчиной, медленно и тяжело повалилось спиной на землю. Без половины головы. Шея и остатки лица.

По щекам теперь текло что-то теплое и липкое, пахло мерзко и сладко; Ани в ужасе провела рукой по собственному лицу – жестом, каким пытаются согнать надоедливую противную муху, а когда увидела на пальцах чужую кровь, завизжала так громко, что на несколько секунд перестала слышать остальные звуки окружившего ее страшного мира.

– Дыши! Дыши! И разогнись! Новенькая?

Кто-то бил ее по щекам, пытаясь вывести из состояния шока.

– Не ранена? Идти можешь?

Женский голос, грязные штаны, болтающийся перед носом приклад винтовки. Очередной болезненный шлепок заставил Ани разогнуть поникшую и заржавевшую шею – наверное, ее глаза выглядели стеклянными.

Незнакомка со стянутыми на затылке черными волосами, грязным лбом и текущим по вискам потом, чертыхнулась. Привалилась поверх кладки, выстрелила в направлении одной ей видимых врагов, тут же спряталась за камнями, стряхнула с волос поднятые ответным выстрелом осколки и чертыхнулась вновь.

– Вот ты не вовремя нашлась... Оставить бы. – Бубнила она себе под нос с ненавистью. – Но как оставить? Как?!

Кого она ненавидела – себя или Ани?

Рядом лежала нога, обутая в высокий черный сапог – она принадлежала тому, без лица. Сердце заходило в бешеном ритме всякий раз, как только глаза пытались заскользить вверх, к ремню. Желудок скручивало в приступе спазма, и Ани-Ра тут же утыкалась лицом в собственные ладони – хрипло дышала, чувствовала, как тяжело и вязко кружится голова.

Где она? Где она? Создатель, помоги понять ей, где она?

– Идти можешь, спрашиваю?

Кто-то вновь дернул за плечо; теперь карие, почти черные женские глаза находились близко от ее лица; стало видно забившуюся в поры носа грязь.

Ани кивнула – голова упала и поднялась, как у веревочной марионетки.

– Тогда дыши, как я скажу, поняла? – Женщина орала. То ли приказывала, то ли боялась, что подобранная дурочка ничего не услышит из-за выстрелов. – Резкий вдох сквозь зубы, резкий выдох. Подряд, без пауз, быстро-быстро! С минуту!

– Э...зачем?

То было первое, вытолкнутое на поверхность, сквозь мгновенно пересохшие губы, слово.

– Адреналин выкинется в кровь! Дыши быстро! Иначе не сможешь бежать следом – подстрелят. Они-то взмыленные, резкие, а ты дура размякшая – ни сил, ни реакции!

Ани, не соображая, что и зачем делает, подчинилась чужому приказу – начала втягивать и выталкивать противный горько-сладкий воздух.

– Резче! Быстрее! Вообще без пауз!

Ани зажмурилась и задышала чаще.

Так она встретила Ивон.

Ту самую Ивон, чья спина мельтешила перед носом при быстрых перебежках сквозь гарь и копоть, чье оружие стало спасительным щитом от свистящих рядом пуль, чей голос выводил из оцепенения всякий раз, когда Ани спотыкалась и падала на землю, решая, что в следующий раз уже не поднимется. В этот день ее били по лицу не единожды – орали, трясли за плечи, брызгали на щеки слюной. А после вновь заставляли куда-то бежать.

Из того дня она запомнила немного – лишь то, что под вечер они, наконец, куда-то добрались. Пустой полуразрушенный дом, черное небо в проломленной крыше, сидящих по углам незнакомых людей – человек шесть, – и собственный истошный, надломленный местами, переходящий в крик, плач:

– Где я? Где? Почему я здесь? Кто вы такие?! Почему я здесь?!

Истерика длилась, наверное, несколько часов. А, может, минут, растянувшихся для Ани в часы. Ей не отвечали, но уже и не били.

Чьи-то рты жевали хлеб, чьи-то пальцы чистили ножи и ружья, чьи-то глаза смотрели в сторону.

Уже перед сном к ее углу вернулась черноволосая «спасительница» и бросила на землю сверток с несвежим тряпьем.

– Твоя форма. Наверное, не по размеру, но другую отыщем потом.

– А спать? Как здесь спать?

– Как можешь, так и спи.

Ивон поддела сверток носком сапога и отошла прочь, чтобы свернуться в углу под куском развалившейся лавки, а Ани еще несколько часов с ужасом смотрела воспаленными от слез глазами на чужие, казавшиеся бледными пятнами на фоне черных стен, спящие и нет, лица.

В тот день никто не спросил ее имени.

* * *

Подходящую по размеру форму они отыскивали трое суток спустя.

К тому моменту Ани уже знала, что существуют некие «юннты» – появляющиеся в разное время и в разных местах невысоко над землей прозрачные шары – в одних одежда, в других еда, в третьих медикаменты или оружие. То оружие, что можно просто взять – не забирать из окровавленных рук убитых солдат.

Так же Ани знала, что солдаты, подобно бешеным собакам, воюют умело и зло – пленных берут редко и то лишь затем, чтобы развлечься – изнасиловать или умертвить с помощью изощренных пыток – живыми не отпускают.

В эти первые и самые сложные три дня ее жизни на новом месте, между немymi хрипами в небо «за что?» и родившейся к окружению ненавистью, она училась впервые нажимать на

курок, вдыхать в легкие едкий и горький запах единственных доступных на уровне сигарет «Кварц», жевать несъедобные консервы из жестяных банок и спать на холодной земле под открытым небом.

Продолжение следует.

* * *

Читать не хотелось – чтиво стояло поперек горла по двум причинам: первая – Ани никак не могла прорваться сквозь многочисленные термины главы «Взрыватели» из книги «Разведка для профессионалов», а вторая – она попросту не хотела сквозь них прорваться. Но должна. Должна, потому что существовал план «Б», который в ближайшее время придется осуществить.

Уснула она на застеленной кровати под звук стекающих в таз с мокрых штанов капель и бубнящего у соседей снизу телевизора.

Проснулась позже и резко, и тут же, не успев подумать, выхватила из-под подушки длинный армейский нож; на стене, ясная при свете торшера, зависла сжатая тонкой рукой зловещая, остроконечная тень; Ани отчего-то вздрогнула и прислушалась.

Ругались соседи.

Женщина кричала что-то про поздний приход, мужчина оправдывался. Доносились слова «кобель... пока я работаю... тварь любвеобильная...». Разбилась о стену тарелка, затем грохнулось об пол что-то потяжелее.

Ани-Ра медленно протяжно выдохнула.

Хорошо, что Брэда больше нет... Нет с тех пор, как она застала его в постели с собственной подругой. Бывшей подругой. Расстались быстро и без скандала, но с большим вырванным из ее души лоскутом. Говорят, измену можно простить, но она так и не смогла – не научилась, не поняла «как»...

Тень от ножа дрожала на стене – острая, черная, смертоносная. Во что превратилась жизнь? Соседи продолжали истерично ругаться – теперь орал и мужчина.

Ани посмотрела на зажатый в руке тесак и в который раз задалась риторическим вопросом, сможет ли она когда-нибудь научиться спать, как нормальный человек?

Вздыхнула. Убрала нож под подушку, погасила торшер и зябко свернулась на постели калачиком.

Капало со штанов. Капало на улице.

* * *

Свет прожекторов освещал базу, как стадион – фонаря не потребовалось. По стенам от крыши протянулись резкие угловатые тени; Дэйн, ощупывая поверхность шероховатой стены пальцами, чувствовал себя неудобно.

Два часа ночи, а он один перед складом. Напротив дом и квартира, из которой стреляли – не пустая, с дежурным патрулем внутри, но тревога не таяла.

Барт – годовалая немецкая овчарка – (именно так назвала неизвестную ему породу Бернарда, которая помогла с собакой) сидела у ног, как приклеенная.

– Иди уже, погуляй. – Проворчал Эльконто, продолжая внимательно осматривать каждый метр шербахой стены.

Пес качнул хвостом – услышал, мол, но остался сидеть на месте сторожевым маяком, с места не сдвинулся.

– Ни единой дырки. Ни одной... Или я не там ищу?

Дэйн отнюдь не действовал на «авось», он прекрасно знал, что именно искал – отметины от «пристрелки». Дыры от патронов, которые снайпер выпускает прежде, чем осуществить финальный выстрел для того, чтобы точно почувствовать дистанцию, угол, наклон. И еще «флажки». Если действовал профессионал, то должны были остаться сигнализаторы ветра – одна или несколько привязанных где-то неприметных глазу тряпиц.

Через сорок минут он сдался. Ни отметин, ни индикаторов воздушных потоков. Ничего. И это означало, что, несмотря на дорогую винтовку, действовал непрофессионал. Грубо говоря, неподготовленный и неумный идиот, который во время стрельбы не учел погодные условия.

Как глупо. И как хорошо. Что он промахнулся.

– В машину!

Гаркнул Эльконто псу, и тот, мотая хвостом, стремглав понесся к стоящему в ворот джипу.

Ругаясь за отпечатки пыльных лап на сиденье, водитель привычно закинул полы длинного кожаного плаща в салон и хлопнул дверцей. Заурчал двигатель.

Глава 2

В другой жизни.

В те первые трое суток ей беспрерывно казалось, что стоит только моргнуть, и все изменится. Что это всего лишь ошибка, сбой в системе мироздания, неверный прорыв одного из ее лоскутов. Что нужно еще чуть-чуть подождать, и мир обязательно качнется, совсем, как когда-то вздрогнет, и тогда перед глазами вместо серого неба, окровавленных рук и камней, возникнет ведущая к дому дорожка. И номера квартир, все четные – десятая, двенадцатая, четырнадцатая... Закатное солнце, аллея, хрусткий в руках пакет.

Но мир не вздрагивал. И постепенно росток надежды захлебнулся ночными молчаливыми слезами – даже ему стало слишком много воды. Почему-то никто не увидел, что это сбой, и не починил систему – страшный мир не спешил исчезать, наоборот, с каждым днем делался все реальнее. И поначалу ежечасно ожидающая чуда Ани, к концу недели утратила в него веру.

Продолжение следует.

Яичница жарилась неохотно – вредная яичница. Шкворчала, пузырилась, брызгалась жиром. Два желтка, прозрачная вокруг клякса белка – ни колбасы, ни сыра, ни помидор. Пустая бутылка из-под масла отправилась в затянутую синим мешком урну. Недовольно смотрел на хозяйку пустыми полками холодильник; сморщились на веревке подсохшие штанины.

Ани любила магазины: колбасные ряды, яркие чайные упаковки, цветастые этикетки, приятная музыка и неспешные люди с корзинками – все это неизменно напоминало ей о чем-то хорошем. Забытом, но все же хорошем. И она обязательно купила бы колбасу, сыр и помидоры, если бы сегодня утром, не выхватила взглядом, склонившийся над рыбной витриной профиль, со знакомыми чертами – нос с горбинкой, пухлые губки, вьющиеся волосы и длинную шею. Профиль Ленни Маршала – носильщика из «Левенталя». Когда-то, сталкиваясь в коридорах или у выхода, они любили перебрасываться шуточками.

Вот и теперь Ани предчувствовала поворачивающуюся в ее направлении голову, расширившиеся зрачки серых глаз, качнувшуюся надо лбом рыжую челку и удивленный распахнувшийся рот-бантик (как можно такой целовать? Такой должен быть у куклы...) А после и удивленно-восторженный тон:

– Ани? Это правда ты, Ани? Глазам своим не верю!

И она сбежала из магазина. Набросила на голову капюшон невзрачной синей кофты и повернула к выходу. Почему-то забыла о том, что могла бы зайти в другой магазин – купить колбасу, сыра и помидор, а теперь стояла у плиты и смотрела на убогую и совсем неаппетитную глазунью из двух, словно глаза ослепшего клоуна, желтков и расплывшегося по бокам белка.

(Sophie Ellis-Bextor – Today The Sun's On Us)

Собирать информацию, анализировать, планировать, действовать – именно такие шаги придется пройти тому, кто хочет получить результат. И сегодня настала очередь «действовать». Еще говорят «съешь свою лягушку сразу», что означает, если в течение дня присутствует неприятное дело, не тяни, выполни его первым, чтобы этой самой лягушкой не пришлось давиться под вечер, когда хочется расслабиться.

Вот Ани и съела свою – сходила в салон подержанных автомобилей, взяла напрокат наиболее неприметный, по ее мнению, но вполне бодрый, «ходовой» седан светло-серого цвета, а теперь сидела на водительском месте и морщилась. Чужая машина, чужой запах, непривычный

рукам руль, неудобные жесткие педали. Хотя ей любые педали показались бы неудобными по той простой причине, что Ани попросту не любила водить, и оттого откладывала покупку своего авто. Одно дело сдать на права – другое крутить баранку. Не женское это дело, не женское, но грань между «надо» и «хотелось бы» стерлась.

Мотор завелся с пол-оборота. Ощущая себя настолько же комфортно, как если бы сидела в квадратном корыте с размытыми габаритами, она вывернула с залитой дневным светом, полупустой стоянки на дорогу.

В цветочном магазине на окраине города царил тишина. Полуувядшие букеты за стеклами витрин смерзлись и застыли, а расставленные в глиняных горшках вокруг прилавка растения, обмякли листьями – видимо, за ними не следили.

Неудивительно. Вышедшая из дальней двери на звон колокольчика женщина, едва ли напоминала цветочника: кожаная куртка, жесткие сладки у не улыбочивого рта, частично поломанные, частично обгрызенные ногти. Пряди черных, крашенных волос, накрученных, казалось, еще в прошлом веке, так и засалились неопрятными локонами. Окончательно от ощущения, что перед тобой цветочница, уводил цепкий, неприятный взгляд и медленно пережевываемая во рту жвачка.

– Вам чего, милочка? Букетик, розочку, напольный цветок?

Голос прокуренный, низкий.

Ани осторожно осмотрелась вокруг, пытаясь сообразить, не ошиблась ли адресом, затем встретилась взглядом с «продавщицей» и, помедлив, произнесла.

– Мне взрыватель.

Комнатушка за ширмой, куда ее привели, предварительно заперев стеклянную дверь магазина, оказалась без окон; на этот раз интерьер подходил хозяйке куда больше: висящая на стене изъеденная круглыми отверстиями мишень – в том месте, где должна была находиться «десятка», красовалась дыра размером с кулак. Ящики, коробки, стол, мятый пыльный диван и, уводящий вглубь помещения, темный коридор.

– Какой взрыватель нужен?

– Частотный.

– Сейчас все покажем.

«Цветочница» удалилась в подсобку. За ту минуту, пока она отсутствовала, Ани успела выхватить взглядом новые детали: штампы «огнеопасно» на коробках, разложенные на столе металлические штырьки непонятного происхождения (видимо, ими и занималась хозяйка, когда прозвенел звонок) и стопку книг в углу – все, как одна, потрепанных.

Женщина вернулась. Быстро и ловко смахнула штырьки со стола в полиэтиленовый пакет, разложила на потрескавшейся лакированной поверхности капсуловидные предметы. Встала рядом, кивнула:

– Выбирай. Есть подороже, есть подешевле.

– Цена не волнует.

Ани-Ра какое-то время сканировала товар, одновременно выуживая из головы полученные ранее и накануне из книги «Разведка» знания, затем ткнула в один – тот, с которым работала прежде.

– Вот этот.

– Хороший выбор. – Голова с сальными волосами склонилась на бок. – Что-нибудь еще?

– Да. Мне нужен скремблер.

«Баба» в куртке (почему-то язык не поворачивался назвать ее «женщиной») усмехнулась, но посмотрела с уважением.

– Мстишь предавшему тебя дружку? Или босс на работе зарплату не выплатил в срок? Знаю-знаю...

Что означало «знаю-знаю» спрашивать не имело смысла – наверняка в дебрях искаженного от жестокости мозга плавало огромное количество связанных с чем-то нехорошим воспоминаний. Может, рассказов предыдущих покупателей – их откровений, с какой целью брался товар.

– Что-то типа того. – Неопределенно ответила Ани и отвернулась – стала смотреть на мишень.

– Моя! – Раздалось гордо, затем шаги снова стихли в коридоре.

Неужели она стала похожей на эту даму? Такая же жесткая, неухоженная, ... бессердечная? Не женщина, а женское обличье – одежда и скелет, оболочка, у которой все внутри сгнило? Нет, наверное, еще нет... Когда дело будет сделано, она уедет, уедет куда-нибудь далеко, может, жить в другой город, начнет все с чистого листа, попытается восстановиться, забыть. А если не забудет...

Ани-Ра не стала озвучивать мысль в голове, просто знала – застрелится.

Да, один патрон. Быстро и безвозвратно. Единственный и самый действенный способ лишить человека всех проблем, а заодно и воспоминаний. Мысль не вызвала эмоций.

Вернулась продавщица, протянула похожий на рацию предмет – жесткий пластик, кнопки, небольшое окошко в центре и маленькая, закругленная на макушке антенна.

– Плюс двести пятьдесят баксов. Батарейки прилагаются.

Ани достала из заднего кармана штанов деньги. Пока отсчитывала купюры, по ее лицу, будто пытаясь отыскать вход в сокровенные мысли, скользил взад-вперед взгляд черных глаз.

– Пластид есть?

– Есть.

– Ты хоть знаешь, сколько его использовать?

Ани-Ра напряглась и разозлилась – не надо лезть не в свое дело, не надо. Женщина уловила недовольство.

– Да ты не кипятись, – сказала тихо, – заложишь больше, снесешь весь квартал. А там не только твой дружок, там еще и другие люди.

– Знаю. – Прозвучало злее, чем хотелось.

– Машина?

– Да, машина.

– Не переборщи.

«А ты не учи меня»

Внутри черных глаз что-то изменилось, и начавшей уставать от этой комнаты и этого места Ани вдруг показалось, что эта женщина, ее двойник, копия. Что она когда-то тоже...

– Война? – Вырвалось почти случайно. – Да?

– Что, Война?

Нет, показалось. Просто показалось.

– Ничего.

Уже на выходе в спину прозвучал финальный вопрос:

– А ты хоть умеешь его программировать-то? Взрыватель?

Раскрывать рот не хотелось – зачем выдавать лишнего? – но что-то толкнуло качнуть головой.

– Нет. Буду искать спеца.

Сзади снова усмехнулись; заскрипела спинка кожаного сиденья кресла.

– Когда снимешь частоту, приходи. Помогу.

Ответ получился ни «да» и ни «нет».

– Буду знать.

Мало ли.

На этот раз запах увядших в горшках цветов показался ароматом цветущего сада, а звякнувший над дверью старый колокольчик, провозгласил обретение свободы. Теперь к седану.

«Был бы помощник, было бы куда проще» – с досадой думала Ани.

Какой выбрать парик – рыжий, темный, шоколадный? Какой будет смотреться естественно и привлечет меньше всего внимания?

Русый. Но цвет ее собственных волос был светло-русый, соломенным – нельзя рисковать, придется взять темный.

Очередная продавщица косилась с любопытством – нормальная продавщица, не «баба» в кожаной куртке, а молодая, улыбчивая и вежливая, в общем-то, девчонка. В открытое окно магазина долетал теплый, полуденный ветерок, трогал нанизанные на штырек кассовые чеки, заставлял гору мертвых локонов, украшавших стену, шевелиться.

– Хотите попробовать себя в новом стиле? Сейчас в моде красноватый оттенок.

Ани скрипнула зубами; определилась, наконец, с выбором, бросила на прилавок темные, похожие на снятый с чужого черепа скальп, волосы и оплатила покупку.

Осталось выбрать одноразовую блузку, глянецвый журнал и бордовую, какую она никогда не наносила на губы, помаду.

Чем больше разница с настоящей внешностью, тем безопасней.

Ей повезло, насколько вообще может повезти человеку, задумавшему недоброе.

Черный внедорожник оказался припаркован у ворот – хозяин дома.

Просторный современный в техно стиле особняк высился за стройным рядом из пяти кленов. Три этажа, высокие без перегородок окна, отраженные стеклом оранжевые всполохи закатного солнца. Наверное, в огромной гостиной тепло и уютно, наверное, там здорово сидеть в кресле и шуршать газетой. Белые паласы, крутые лестницы, огромный экран телевизора, камин... Интересно, есть ли в доме женщина? Почему-то раньше Ани никогда не задумывалась о том, есть ли у человека, которого она хочет убить, женщина – не стала и теперь. Незачем. Этот дом скоро разнесет в клочья, как и стоящий у ворот автомобиль. Да, заденет пару соседних зданий – не беда, все застраховано, отстроятся. Осталось лишь считать частоту при заведении мотора, отдать ее профессионалу, который запрограммирует на нее взрыватель, и все – дело сделано. Новая жизнь. Новый город. И чистый лист.

Ани и сейчас предпочла бы вместо страницы с фотографиями модной одежды смотреть в чистый лист. Раздражала духота салона, раздражали натянутые поверх чужих волос наушники, раздражал собственный беззаботный вид – а-ля, я просто жду своего друга, – и напояженный бордовым рот.

Как такое может нравиться? Она несколько минут с ужасом рассматривала собственное отражение в зеркале – темно-коричневый парик, светлые брови, серо-зеленые глаза, жирно обведенные черным карандашом веки и непривычно темная, делающая ее похожей на проститутку, помада.

Полнейший диссонанс. Зато если Эльконто решит подойти к ее машине и попросит закурить, чего, конечно же, не случится (она выяснила у информаторов не только его адрес, но и все полезные/вредные привычки, за что отдала половину скопленного когда-то состояния), он не узнает в ней привычную Ани.

Потому что он не знает, кто такая Ани.

Потому что не знает, что она вообще существует. Там, на Войне, для него не существовало Ань, Ивон, Томов, Бобов и прочих людей – там были только собаки, отбросы общества, на которых он – человек в плаще – натравливал своих солдат.

Сука. Поганая сволочь.

Просто выйди из дома, просто заведи свою машину, чтобы скремблер считал частоту, и тогда кожаная «баба» настроит на нее взрыватель. Просто сделай то, что требуется, и свободен, ведь не сидеть же в душном салоне всю ночь?

Ани-ра, нацепив на лицо беззаботное выражение, зло перевернула страницу журнала и откнулась невидящим взглядом в рекламу духов. Хотелось выйти и пройтись по тротуару, хотелось размять затекшую спину, но больше всего раздражала не надобность подолгу сидеть без движения, а бесконечно чешущаяся лодыжка с татуировкой в виде штрих-кода.

Она – эта странная татуировка – появилась «там». На вторые или третьи сутки пребывания на Войне – по крайней мере, именно тогда ее впервые заметила Ани.

В другой жизни.

Первое ранение оказалось легким, поверхностным – прошедшим вскользь осколком гранаты, но царапина кровоточила обильно, и теперь Ивон лила на нее воду из бутылки. Злилась, знала, что не хватит для питья, но все равно лила.

Пытающийся пробраться в соседний сектор отряд задерживался; люди укрылись на местности, где и как могли: за камнями, в оставшихся от бомб углублениях, за насыпями. Ждали, когда раненая сможет идти.

Ани сжимала от боли зубы – мазь оказалась едкой.

– Терпи, зато за ночь затянется. А если сейчас не намажем, то...

Это самое «то» Ани-Ра уже частично видела, а остальное быстро домыслила – заражение, воспаление, адская боль. Сначала ее будут тянуть на плечах, но потом, когда ноша станет слишком тяжелой, бросят. Или отрежут ногу – ведь в фильмах про войну всегда так? Без обезболивания и ржавой ножовкой...

– Против кого мы воюем, Ивон?

Ани пыталась отвлечься от боли и серого, вгоняющего в тоску, пейзажа. Намеренно не смотрела на клубы дыма на горизонте.

– Против солдат.

– А за кого?

– За себя.

– За себя? Но в чем смысл? В чем конечный смысл?

– Да откуда же я знаю!

Жгуты-тряпки стянулись под коленом жестко и туго, и почти сразу же пропитались кровью. Ани побоялась задавать новые вопросы – пусть ее имени так пока никто и не спросил, но ведь тянут с собой, не бросили. Пока не бросили...

И однажды, если останется жива, она все выяснит.

Она ходила за Ивон уточкой. Только уточки так настойчиво следуют за теми, кого, открыв глаза, видят впервые в жизни.

Так случилось и с Ани: Ивон на два шага в сторону – Ани следом. Ивон составляет в голове план – Ани, не спрашивая разрешения, молча сидит рядом. Ивон разговаривает с Рональдом – Ани втихаря ловит их каждое слово.

Маленьким, сбившимся вместе отрядом из семи человек, командовали двое – Ивон и Рональд. Вели его к новым укрытиям, искали юницы, пропитание, защищали и пытались отбить у солдат «своих». Часто отбить получалось не всех, и тогда отряд делался меньше на одного или двух человек, а после находили новеньких. Всегда находили. И именно их, как поняла Ани, убивали быстрее всего – потому что ни умений, ни сноровки, ни опыта. Мертвые тела лежали тут и там – еще одетые в гражданскую одежду, безоружные, с застывшим, когда накрыла смерть, в глазах ужасом.

Ани повезло, ... наверное, – возникла рядом с Ивон и оказалась спасена.
Так почему же ей все никак не удавалось почувствовать себя «счастливчиком»?

* * *

– Слышь, ты, хлеб остался у тебя?

От мужика, что стоял позади, воняло. Кудлатый, заросший щетиной, вечно согнутый в позвоночнике, будто тот состоял не из костей, а из еще одной, наполненной дерьмом, кишки. Ани попыталась вспомнить, как его зовут, но не смогла, и оставила попытки – какая разница? Кому здесь нужна вежливость?

Болела перевязанная нога.

– Нету.

Она даже не обернулась от щербатого оконного проема, в который смотрела на луну и бегущие по небу тонкие серые облака. Облака бежали быстро, спешили куда-то – клубились, тянулись, почти неслись. Наверное, и они, как и весь остальной воздух, пахли дымом.

Мужик недовольно кашлянул, обронил что-то про «раненая и новенькая, а жрешь столько...», сплюнул и побрел прочь.

Жрешь...

Много ли она «сожрала» за последние сутки? Одну баночку непонятных, состоящих из мясных обрубков «консервов» утром, пару сухих крекеров в обед, кусок хлеба вечером. И еще вода. А сколько бегала? В одном мужик прав – юнитов с едой они сегодня не нашли (не нашли из-за нее?), а, значит, голод, и, значит, все злые.

Сидеть в разбитом каменном доме не хотелось – из-за боли сон отступал.

Нашупав в кармане мятую пачку «Кварца», Ани поднялась и захромала к такому же сквозному, как и окно, дверному проему.

Интересно, что здесь когда-то строили? И для чего? И почему после это место превратилось в военный полигон? Откуда все эти одинокие разрушенные дома, и жили ли в них когда-то? Теперь трудно представить.

Она видела немного, а увиденное все никак не могла сложить в единую картину: каменистые равнины, чахлая трава, окопы, насыпи, каменные сараи. На горизонте виднелись дома повыше – в пять-десять этажей – все, судя по отсутствию в дневное время отблесков, с выбитыми стеклами.

Город? Может, когда-то здесь стоял город?

Воюющие непонятно против кого люди – разношерстный сброд, к которым теперь причислили и ее, и подготовленные хорошо экипированные и вооруженные отряды солдат – откуда такое неравенство сил? Почему у одних есть шлемы, бронежилеты, военная обувь, а у других мятое шмотье, в котором за картошкой в погреб выйти стыдно?

Вопросы-вопросы-вопросы. И один самый главный – что среди этого ада делает она, Ани?

Отходить далеко страшно – высунешься макушкой, и ее тут же снесет выстрелом, поэтому Ани-Ра свернула от строения, в котором решил заночевать отряд, чуть в сторону, стараясь все же держаться в его прикрытии.

Под ногами шуршали высохшие стебли травы; над головой неслись облака. Вновь закровила нога – повязка сделалась теплой и липкой. Ничего, она недалеко. Только покурит и вернется, а там снова перевяжет и намажет мазью.

Впереди показался усыпанный камнями лог; откуда-то потянуло вдруг сигаретным дымом.

Ани напряглась – солдаты? Тот, кто курил, тоже услышал ее шаги и напрягся – послышался щелчок взведенного курка.

Инстинкт приказал быстро пригнуться к земле – нога резкому движению не обрадовалась; Ани охнула. И тут же услышала усталое, облегченное и почему-то разочарованное:

– А-а-а... Это ты.

Они курили без слов.

Сердце все никак не успокаивалось от нахлынувшей паники – истерично билось о грудную клетку, мешало думать. Катилась по небу вдаль рваная пелена из облаков; из-за шевеления подошв скользили вниз по склону мелкие камешки, плыл по воздуху едкий от дешевого табака дым.

Ани знала, что Ивон злится – злится, но не гонит прочь. Такие, как она – люди с принципами – не любят грубить. Не станут открыто злословить, замахиваться прикладом или открыто отталкивать, но и принимать не будут тоже. Зачем им?

Сильнее прежнего пульсировало колено; ночь, казалось, тянулась бесконечно – безликая, пустая и усталая.

– Ты не злился на меня, – зачем-то попыталась оправдаться Ани, – я знаю, что хожу за тобой везде. А ты, наверное, думаешь, обуза...

Черноволосая женщина курила, подтянув колени к груди; автомат лежал рядом, пистолет вернулся за пояс. На жалкую попытку извинений она не отреагировала.

– Я, может, и обуза. Но я пытаюсь научиться. Пытаюсь здесь выжить.

– Все пытаются.

Прозвучало ровно – вероятно, Ивон витала где-то в своих мыслях и поддерживать диалог с Ани-Ра не желала, но та не оставляла попыток.

– Ты бы рассказала мне побольше... Кто воюет? Как? Зачем? Против кого? Может, подумали бы вместе.

– Много тут... думальщиков. Толку мало.

– Мало. Но попытаться стоит. Никогда не знаешь...

Чего «не знаешь», Ани уточнять не стала – не хочет говорить, и не надо – попытается выяснить детали у других. Ведь хочется не просто выжить, хочется вернуться, а для этого нужна информация. Нужен план.

– Ты скажи, выход отсюда есть? Где-то его можно отыскать?

Ивон не поворачивалась целую минуту. Докурила одну сигарету, сразу же зажгла другую, выплыла, наконец, из собственных размышлений, склонила одно колено к земле.

– Есть, говорят. Но никто не знает где. Карты нужны.

– А у кого есть карты? В юнитах? У солдат?

– Может быть. Но мы пока не находили.

– Нужно найти. Я не хочу здесь сидеть.

Взгляд в свою сторону «дура, мол, а кто же хочет?» – удивленный и насмешливый, Ани поначалу проигнорировала. Потом не удержалась – ответила насуплено и зло.

– Надо придумать. Придумать, как выйти.

«Кварц» драл горло. Раньше она не курила – баловалась только, а тут начала, да. Кто бы ни начал?

– Да расскажу я тебе больше, несложно. – Вдруг донеслось из темноты. – Ночь длинная. Что знать-то хочешь?

– Что это за место? Как сюда попадают? Против кого сражаются, и есть ли выход? – Вопросы повалились изо рта, как медяки из опрокинутой вазочки. – Какое оружие самое эффективное? Сколько ты здесь? Почему вдали стоит город, но мы туда не идем? Много ли вокруг отрядов повстанцев? Почему не объединяются?

Ивон усмехнулась.

– Да ты стратег!

– Издеваешься? – Хотелось обидеться, но не позволяла тоскливая горечь и все еще пульсирующая в груди надежда. – Так сколько ты здесь, давно?

– Давно. – Ивон потушила окурок о камни, но, к облегчению Ани, с земли не поднялась, заговорила вновь. – Все спрашивают одно и то же, все. Как сюда попадают? А никто не знает, как. И никто не знает почему.

– Но как же так?

Женщина фыркнула.

– А ты знаешь?

– Нет. Я просто шла, шла по улице...

– Вот и все, что-то «просто» делали – спали, готовили, работали, стригли кусты. Нет системы. Нет ее – думаешь, я не пыталась найти? Ты шла по улице, я была дома – мир вздрогнул...

Ани-Ра отчетливо помнила этот момент – странный крен бытия, собственное падение и панический, почти животный страх.

– Я здесь уже больше месяца, а знаю не намного больше твоего, и уж точно не знаю «за что» – отчаялась понять. Как и все тут, училась стрелять, училась прятаться и выживать, а толку-то. Да, говорят, где-то есть портал – дойдешь до него, и выйдешь наружу. Но где? Как отыскать, куда двигаться, если тебе полметра пройти не дают, стреляют? Город на горизонте стоит, но никто не знает, что там. Солдаты? Юнитов на дороге к нему становится меньше – мы пытались в ту сторону двигаться, каждый раз возвращались назад, теряя провизию, вооружение, людей. Да и люди эти – не бойцы. Никто тут не боец.

Картина вырисовывалась не просто мрачная, зловещая. От никотина кружилась голова, хотелось закрыть лицо руками и запричитать, пожаловаться, раскачиваясь из стороны в сторону, на судьбу. Вот только кому жаловаться? Кому плакаться? И потому Ани сидела без движения, чувствуя, как немеют мышцы ног – слушала то, чего не желала слышать, а в голове прорисовывались все более неприглядные детали окружающего мира.

– У них хотя бы есть штаб, а у нас что? Перебежки с места на место – ни план составить, ни оружия собрать.

– Штаб? У них где-то есть штаб?

– Ходят слухи.

– Значит, кто-то этим всем управляет?

– А как же без управления? Но тебе-то что? Не дойдешь все равно.

Ани сжала зубы – злость придавала сил.

– Посмотрим.

– Прыткая ты. Упертая. Ногу подлатай к утру, а то вообще с места не сдвинемся.

Шумно втянутый воздух послужил ответом – подлатаю, мол. Не такая неженка.

Ивон лишь покачала головой.

– А мыться здесь где-то можно? Речки есть?

– Видела как-то одну, далеко отсюда. Карта нужна, девочка, карта. Без нее мы, как без рук. Хотя мы вообще без рук – как будто тут кто-то не желал их нам давать. Еда плохая, за каждую винтовку бьемся, спим без одеял. Как будто нас всех проучили за что-то. Прокляли.

Прокляли.

Последнее слово повисло в воздухе черным ореолом – оно давно пропитало здесь все: камни, бесплодную землю, обезвоженные стебли, покинутые дома.

Прокляли.

Ани перебирала пальцами комковатую сухую почву, слушала, как урчит измученный голодом желудок, и смотрела на противоположную сторону склона – на стреловидные, собравшиеся из мелких камушков, оползни.

– Может, и прокляли. Но мы еще живы... А если живы, будем биться.

Вместо ответа откуда-то с горизонта долетел грохот далекого взрыва. Ивон больше на нее – глупую, самонадеянную дуру не смотрела. Не воспринимала всерьез.

– Я – Ани, если что. – Ани-Ра тяжело поднялась с земли первой. – Вдруг пригодится.

Конец повествования.

* * *

«Объект» оказался в районе шести вечера; к этому моменту Ани прокляла работу шпиона – невыносимо хотелось что-нибудь съесть и сходить облегчиться. И если для выполнения второго пункта в распоряжении были кусты соседского палисадника, то для первого пришлось бы сняться с места и покинуть точку наблюдения. Она идиотка, что не взяла еду с собой, а так же не подумала о приспособлении, в которое можно помочиться, не выходя из автомобиля. Такие существуют, она читала.

Ничего, в следующий раз будет умнее. Если он вообще понадобится – этот следующий раз.

Легкая футболка и штаны, летние мокасины, бодрая походка – Эльконто быстрым шагом направлялся от дома к машине.

Скорее-скорее! Оживший в руках скремблер затарахтел помехами. Притворяться беззаботной, читать журнал и одновременно управлять незнакомым гаджетом оказалось тяжело – Ани изо всех сил сосредоточилась; на висках и шее тут же выступил пот.

Давай, подходи, заводи машину... Это все, что требуется. Это быстро. Но «объект», как назло, притормозил у самой дверцы, когда сзади послышался собачий лай. Крупная лохматая собака с серовато-коричневой шерстью выскочила из-за деревьев, кинулась к хозяину и залилась басовитым недовольным гавканьем.

– Будешь дома, я сказал! Ты не со мной! Нет!

Пес подскочил к машине, уселся на асфальт и поскреб заднюю дверцу когтистой лапой.

– Барт! Не порти покрытие! Домой, я сказал!

Длинноухий питомец потряс головой и заскулил.

До этого момента Ани задумывалась о потенциальной женщине Эльконто, но никак не о питомце. Дом не жалко, машину не жалко, человека тоже. А вот собаку... Отпихивая эту мысль, Ани казалось, она отпихивает нищего от окон ресторана – неприятно, но надо.

– Давай. Быстро назад. В дом, я сказал!

Пес Барт послушался – неохотно поднялся и, ежесекундно оборачиваясь, побрел по дорожке к дому. Послушно тьякнул уже от самой двери.

– Да-да, защищай там.

Высокий человек с белой косичкой на затылке распахнул дверцу джипа и уселся внутрь; Ани напряглась. Трещал, выявляя одному ему известные сигналы, скремблер.

Давай же, давай... Осталось совсем чуть-чуть...

Как только взревел мотор черного внедорожника, на экране следящего прибора высветился ряд из цифр, а «рация» пикнула, сообщая о том, что код получен.

Получен.

Ани смотрела на экран размером в один на три сантиметра и не верила своим глазам.

Код. Заветная частота. Считана.

Теперь, как только она отправится во взрыватель, а бомба будет прикреплена к днищу, следующее заведение мотора станет последним.

Вновь быстро и почти радостно стучало сердце; сейчас в этих дворах царит аккуратное уютное лето: чистые дорожки, зеленые газоны, расслабленные беспечные люди. А скоро будут разбитые стекла, почерневший асфальт и куча искореженных деталей, среди которых распределятся ошметки обугленной человеческой плоти.

Все, как и должно быть.

Станет ли тогда спокойней? Станет? Будут ли сотни других жизней отмщены одной-единственной?

Выворачивая с обочины, Ани думала о том, найдутся ли среди обломков остатки того, что раньше было пушистой радостной собакой?

Грустно, если это будет так.

* * *

– Ну, посидел бы еще с нами! Там вторая серия осталась.

Они упрасивали хором.

– Не могу. Я итак, с вами просидел почти три часа. Еще эти... яйца... терпел на коленях.

Пушистые существа, сбившиеся у ног Клэр, смотрели на Эльконто одинаковыми золотистыми глазами – ему чудился во взгляде беззлобный упрек – мол, зря уходишь, могли бы еще поиграть после фильма. Ох уж эти Фурии...

– Они тебя любят!

– Юбим! Юбим! – Донеслось с пола.

– Да-да. Балдеть вы «любите» и во что попало превращаться.²

Когда Бернарда – телепортер отряда специального назначения – смеялась, у него всегда теплоло на сердце. Только она умела так улыбаться и так смотреть – тепло и с нежностью, и каждый раз, окутанному теплом этого взгляда, Эльконто казалось, что через ее серо-голубые глаза смотрят Ангелы – те самые, с крыльями, о которых некоторые писали в книгах, но которых никто и никогда не видел.

– Не могу. Рад бы, да не могу. Там Стив ждет.

Бернарда сдалась, ее долговязая подруга тоже.

– Ладно, тогда приходи к нам в следующий раз – Дина снова привезет Смешариков, посмотрим все вместе вторую серию. Хорошо хоть, торт успела допечь, сейчас принесу. И печенье тоже.

Клэр быстро исчезла в недрах дома.

Ночь утонула в треске цикад и монотонном поскрипывании сверчков – хорошая ночь, теплая – продолжение душевного вечера. Таких на памяти Эльконто было мало, и он ценил каждый.

Оставшись одни, они посмотрели друг на друга и, не сговариваясь, улыбнулись. Бернарда привалилась к косяку; часть Смешариков укатилась следом за Клэр на кухню, другая часть поехала искать Ганьку – местную кошку – безоговорочного фаворита в партнерстве для игр.

– Как там Барт?

– Нормально. – Дэйн сцепил пальцы в замок и вытянул перед собой руки – поворачивал ими в кистях. Затекшие плечи тоже требовали активности. – Учю его, когда есть время. Тренирую, дрессирую.

– Поддается?

– А куда он денется? Жрать любит так же, как и я. Приходится его потом гонять.

² Подробнее об этих существах можно прочитать в книге «Игра Реальностей. Том 2. Здесь и далее примечания автора.

- Зато характером оказался хороший.
- Это да.
- Все перегрыз тебе уже?

Дэйн усмехнулся. Он до сих пор помнил, как увидел этого пса на одной из улиц другого мира, и ту минуту, когда вдруг решил забрать его с собой. Не окажись рядом Бернарды, Барт так и остался бы бродячим псом, питающимся из помоек. А теперь не бродяга, теперь это пушистая здоровая чудо-собака. Ну, грызет иногда плитку или пытается жевать обшивку кресел, но ведь все слушает, а, главное, слышит.

– Да я купил ему недавно деревяшек специальных и мячиков. Носится теперь с ними по всему дому – меньше стал жевать. К тому же по ушам получать не хочет – только цыкну, он голову положит на лапы и глаза сделает виноватые. Хитрый, блин!

- Хитрый, да. Они все хитрые.

Они говорили ни о чем, и Эльконто поймал себя на мысли, что тонет в этой ночи. В этих городских сумерках, падающем от фонаря свете, в запахе растущих под окном цветов, в тепле, что, казалось, исходит от самих стен этого дома. Он за этим и приезжал сюда – напиться, отдохнуть, побыть. Выкраивал вечер раз в неделю или две и, обязательно ворча и скрипя, словно старый пердун, соглашался на совместный просмотр какого-нибудь фильма – плевать какого. В такие моменты он никому бы не признался, что наслаждается всем: атмосферой гостиной, неспешно бродящей из комнаты в комнату рыжей кошкой, звучащими с дивана комментариями, домашним попкорном в вазочке, даже вечно лезущими на колени пушистиком наслаждается – ядрись они провались.

Его собственная гостиная слишком часто казалась молчаливой и тихой. Одинокой. Теперь в ней есть Барт.

Клэр вернулась с двумя пакетами; в ночной воздух тут же вплеся аромат корицы.

– Тут вам со Стиви торт. А еще круассаны – да-да, такие, как любит Дина, и твоё печенье с орешками и шоколадной крошкой.

- Ты меня задержишь.
- Такого бугая задержишь!
- Нашла, тоже мне, бугая...

Двухметровый Эльконто смутился, а стоящая напротив темноволосая женщина рассмеялась – он до сих пор помнил, как она смущалась тогда, на вечеринке от его скабрёзных шуток. Как выскользнула из-за стола, как укрылась на кухне, где и встретила повара Рена Декстера Антонио – свою судьбу. Хорошие времена – золотые времена.

- Ты приходи в следующий раз.
- Приду. Как же не приду, когда тут такое печенье. И печенье, и забота, и искреннее внимание.

Попрощавшись, Эльконто зашагал к машине; ему в след кричали «Ака!» тонкие голоса Смешариков.

(Just Flex & Jazzamor – Way Back (Instrumental))

Дорога была в радость.

В салоне пахло ванильным кремом, ромом и горячим тестом круассанов. Торт покоился на заднем сиденье, а вот белый бумажный мешочек Эльконто положил рядом с собой, чтобы во время поездки изредка нырять туда рукой – нет ничего вкуснее печенья, когда оно не хрустит, а тает на языке, распаясь в сладкую кашу с вкраплениями из орехов и шоколада. Знает эта долговязая, как печь – зря Стив не приехал, опять остался в госпитале с солдатами.

Домой. Выгулять Барта. Поспать несколько часов, а посреди ночи снова в штаб – жизнь, замкнувшаяся в круг.

Иногда, происходящее казалось Дэйну несущимся из ниоткуда и в никуда поездом, а они – он сам и Стив – ступившими в вагон, да так и оставшимися в нем жить пассажирами. Бешеная скорость, грохочущие колеса, двухколесная полоса из рельсов, и все одно и то же: раненые солдаты, юниты, бесконечные бои, просчет стратегий, широкий экран перед столом с кнопочной панелью и снова солдаты.

Не заключенные, сосланные Комиссией отбывать пожизненное наказание, не бешеные звери, осужденные за особо тяжкие преступления – для Стивена они были просто людьми. С дырами в животах, рваными ногами, осколках в груди, шрамами на лице – он лечил всех. Потому что не вылечишь солдата, и он умрет «насовсем» – не вернется в нормальный мир, как «повстанец». Что хуже – быть повстанцем, гражданским лицом без навыков, закинутым на поле боевых действий с незнанием о том, что твоя кончина явится счастливым моментом возврата в Мир Уровней или же солдатом с четким осознанием, что смерть – это конец? Настоящий конец без права на второй шанс возродиться где-либо вообще. Вечное поле, ставшее жизнью, вечный бой за еще один никчемный и безрадостный день...

А Стив все лечит и лечит...

Черный внедорожник несся по ночным улицам спокойно и бесшумно; машин мало – дорога объездная. Плавно скользил по капоту и ветровому стеклу свет фонарей.

Любил ли Эльконто свою работу? Он задумывался об этом время от времени и всегда приходил к мысли, что любил собственное умение выполнять ее – координировать, просчитывать, следить, вмешиваться быстро и в срок, знал, как работать эту огромную машину под названием «Уровень: Война», работать без сбоев. Страшную, по сути, машину, но нужную, хотя до сих пор мало кто об этом догадывался. И если бы не набор некоторых недоступных многим знаний, Дэйн не взялся бы за эту работу, а так принял должность и, в общем-то, не роптал. Только уставал. От звуков взрывов, от крови, от синих мешков с телами в морге, а потому, иногда мечтал забыться – посидеть вот так на диване, пожевать попкорн, посмотреть смешной и не напрягающий мозги фильм – почувствовать себя не главнокомандующим, не руководителем уровня, где речь никогда не идет о жизни, но всегда о смерти, – и почувствовать себя обычным человеком.

Хороший получился вечер – теплый, ласковый, с душой.

Еще бы дома кто-то ждал, не только Барт.

Эльконто неторопливо разжевал половину печенья и через минуту свернул на ведущую к дому дорогу. От ворот тут же раздался знакомый радостный лай.

Спасибо, что есть хотя бы он.

Свой пес.

* * *

Ему бы спать, но сон не шел – виной всему служил тот снайперский выстрел.

Дэйн вернулся домой, поставил торт в холодильник, выгулял и накормил собаку, а теперь ворочался в собственной постели, слушал мирное дыхание лежащего на коврик у кровати пса и беспрестанно возвращался мыслями к тому дому, к той квартире, откуда раздался выстрел и к незнакомому (или знакомому?) человеку, держащему в руках винтовку.

Враг? Откуда вдруг появился враг и почему сейчас?

Часы на тумбочке показывали половину первого ночи; комнаты дремали, пропитавшись тишиной. Ему бы тоже спать...

Всех, на кого указывал Дрейк – начальник отряда специального назначения, они выкашивали, сметали подчистую. Врагов не оставалось. Друзья, партнеры, поделщики? Кто мог обладать нужной информацией и необходимыми навыками, чтобы произвести почти удачное покушение? Являлся ли целью сам Дэйн? Или, может, отряд? Дрейк? Кому из них мстили?

Нет, Эльконто никогда не считал себя пушистым зайчиком – его руки всегда были в крови, но зачастую лишь в крови тех, кого убивали на «Войне». И их кровь настоящей кровью не считалась.

Еще тогда, в давние времена, он, помнится, спросил Начальника: «За что они умирают, Дрейк? За что так много, все до единого, без славы и цели?» И услышал ответ странный, потрясший его ответ:

– Никто из них не умирает, Дэйи. Каждый погибший просыпается наутро в собственной постели. Встает, завтракает и идет на работу. Они помнят «Войну», как сон, как жестокий и мрачный кошмар, который заставляет их взглянуть на собственную жизнь по-другому.

– Но зачем? Ведь для некоторых это не день и не два? Некоторые живут и воюют там месяцами.

Он до сих пор помнил, как легко и непринужденно в ответ пожал плечами Дрейк. Как улыбнулся почти с сожалением. Почти.

– А как еще мотивировать их к жизни? Как заставить проявить характер, сделать сильнее? Как помочь им осознать, что они способны на большее? Некоторые теряются, Дэйи, застревают в одной точке, перестают жить и начинают существовать. И тогда срабатывает автоматическая система, которая отправляет на «Войну». Тогда осуществляется переход. Потом бой. Новая жизнь. Другие эмоции. И пробуждение.

Тогда Эльконто долго молчал – не мог подыскать слов. Понимал, но какое-то время не принимал сказанное.

– Жестко, Дрейк.

– Да, жестко. – Лицо человека в серебристой форме осталось непроницаемым. – Но этот поход вдыхает в людей новую жизнь – заставляет их хотеть «жить», вдыхает новые силы.

– А солдаты?

– Солдаты – другое дело...

Да, «повстанцы» ненавидели Дэйи. Все. Каждый. И встретиться он хотя бы с одним из них лицом к лицу, и моментально вспыхнула бы вражда – неумолимая жажда мести за каждую минуту, секунду, прожитую на Войне, и это было бы объяснимо. Вот только никто не возвращался. Эти люди умирали там – все до единого, чтобы проснуться в собственных постелях, чтобы вздрогнуть при мысли о кошмаре, что приходил к ним этой ночью, чтобы начать что-то с нуля, с новой страницы – переосмыслить, «задышать», ожить. Срабатывавшая в момент смерти временная петля, закидывала их в утро того же дня – дня «отправления», – так решил не он, так решила Комиссия, и жизнь для каждого начиналась заново, жажда мщения забывалась, как забывался и сам Дэйи.

Тогда откуда личный враг?

И почему прозвучал выстрел?

Ответа не находилось ни в пустых комнатах, ни в голове; мирно сопел у постели разметавший лапы по половику серо-коричневый пес.

Глава 3

В этот день она убила пятерых солдат. Сама.

Их обыскали, обнаружили рации – Ивон возликовала. Помимо раций с трупов сняли массу полезной мелочевки: пистолеты, ножи, гранаты, патроны, хорошие пояса, добротную обувь – ее забрали те, кто не побрезговал, и кому она подошла по размеру – старый Ким и долговязый Лиам.

Хорошо. Да, хорошо.

Ани, прикрытая со спины обломком бетонной стены с торчащими вбок железными прутьями, сидела на втором этаже разбитого дома, выскребала кончиком ножа из баночки «паштет» и мазала его на жесткий и пористый, похожий на одеревеневшую губку, хлеб. Нога почти зажала; новых ранений нет. Над далеким горизонтом догорал красно-желтый живописный закат – яркий, спокойный, с всполохами нежно розового и сиреневатого оттенков.

Красиво. Она и не знала, что здесь бывают такие закаты. Наверное, тот урод, кто создавал эту адскую дыру, вдруг по ошибке словил вирус вдохновения и случайно решил, что даже на Войне что-то должно радовать глаз. И оно радовало.

Но сильнее красоты заката в этот вечер Ани удивило другое – никогда в жизни она бы не подумала, что в этом странном месте, в этой новой жизни, можно от чего-либо ощутить удовлетворение, но теперь, сидя на бетонных перегородках серого пыльного дома, именно его она и испытывала.

А позже, сохранив случайно впорхнувшее в душу чувство, проснулась.

* * *

«Кожаная баба» приняла на руки заказ – взрыватель и скремблер – в десять утра. В семь вечера пообещала отдать. Поначалу кочевряжилась и втолковывала что-то насчет «завтра», но двести долларов сверху оказались убедительнее – баба удалилась в свою кладовку, а Ани на серую улицу – небо еще с ночи затянули облака.

Какое-то время она постояла на крыльце псевдоцветочного магазина, раздумывая, чем занять себя до вечера, но к единому выводу не пришла, и тогда, оглядевшись на потонувшие в белесой туманной мороси деревья и дома, зашагала к машине.

Поход в кинотеатр оказался неудачным – под недовольное ворчание и шепот Ани-Ра покинула зал на середине фильма – так и не смогла заставить мозг погрузиться в происходящие на экране события. Интрига, любовь, дурацкие диалоги, дурацкие чувства – все это для обычных жизней и обычных людей. Никчемные проблемы, надуманные ситуации, вымышленные эмоции и идиотские беспричинные волнения. Дерьмо. Съеденный попкорн отозвался в желудке болью – дерьмо номер два.

На улице мелко моросил дождь.

– Свежие газеты. Новости, события, объявления! Свежая пресса...

Мимо проехала крытая полиэтиленом тележка, толкаемая обутом в стоптанные кроссовки немолодым мужиком. – Газеты, покупаем газеты...

Ани не обратила на нее внимания.

После трех магазинов, кафе и похода по крытой, содержащей в себе десятки дверей, ведущих в художественные бутики, галереи, наконец, распогодилось.

Умаявшись бездельем, скукой и ощущением собственной непричастности к местам, по которым проходила, Ани, в конце концов, обнаружила себя сидящей на лавочке перед широкой дорогой-кольцом и фронтоном отеля «Левенталь».

Да, опасно, но что-то тянуло на это место – что-то невнятное и едва слышимое – далекий голос из другого мира, к которому она когда-то принадлежала. Взгляд, словно приклеенный, следил за всем, что происходило у центрального входа.

Вот остановился черный и блестящий лимузин, из него вышли двое – дама и кавалер. Сейчас им откроют двери, погрузят дорогие чемоданы на тележку, спросят, когда в следующий раз подать машину. Усатый, одетый в кепку с козырьком и логотипом отеля, Пьер (Ани почему-то хотелось думать, что сегодня у дверей стоит именно он), поклонится вошедшим гостям, поприветствует их заученной фразой «Добро пожаловать в Левенталь» и отточенным жестом укажет на стойку администрации. Забавно, Пьер никогда не повторялся с этой фразой дважды – помнил всех, кому произнес ее за день, и, чтобы не раздражать постояльцев, во второй раз лишь услужливо кланялся на выходе. На ее памяти он ни разу не ошибся – воистину феноменальная память.

Вот появилась и тележка для багажа. Кто за ней стоит? Бордовая униформа, черные брюки, какого цвета волосы? Ани-Ра напрягла зрение – может, это встреченный ей накануне рыжий Ленни? Жаль, что далеко, и отсюда не разглядеть. Жаль, но ближе не подойти...

Она бы так и сидела, наблюдая за входом в отель и не глядя на проходящих мимо людей, если бы ни двое парней, один из которых что-то обронил. Маленькое, пластиковое. Обронил случайно или намеренно?

В тот самый момент, когда Ани посмотрела вслед пешеходам, один из них оглянулся и усмехнулся – почти незаметно, вскользь, а через секунду раздался хлопок. Негромкий взрыв, звука которого хватило для того, чтобы Ани-Ра, не успев даже подумать, моментально взметнулась с места и перемахнула за спинку скамейку. Скукожилась, стоя коленями на земле, свернулась пружиной и тяжело задышала; намокли рукава и ладони, сердце загрохотало в ушах и горле.

Раздался дружный, сдвоенный хохот. Не хохот даже, идиотский, без намека на интеллект, ржач. Посмотри, мол, какая пугливая девка – схоронилась за скамейкой от звука обычной петарды. Вот, дура!

Ани медленно разогнулась, уперлась пятками в землю, злясь на грязные колени, поднялась – парни были уже метрах в двадцати – шли мимо очередной лавочки, на которой сидела пожилая женщина. Вновь оброненный предмет, секунда, хлопок. Женщина вскочила с места и прижала руку к груди, а после заругалась напугано и зло; с дерева вспорхнули вороны. Парни, удаляясь, ржали.

Ани сузила глаза. Собственное сердце все еще билось нервно и глухо, в крови, затмевая разум, бурлил заряженный злостью адреналин. Суки, поганые сволочи...

Не успев обдумать, что и зачем делает, она рванула следом так быстро, что закололо в боку – замелькали, расталкивая воздух и капельки в лужах, подошвы выстиранной накануне обуви. Сволочи... Ублюдки. Безмозглые твари...

Тому, что обернулся на топот первым, она зарядила прямо в челюсть – с размаху, с винтовой раскрутки кулака – обладатель прыщавой рожи рухнул на асфальт, не успев вскрикнуть. А второго – того, который выставил вперед руки и попытался что-то заорать, она прицельно пнула в колено. Под синими джинсами раздался хруст костей.

За спиной снова закричала женщина.

* * *

– Уже успела подражаться. Надо же...

От цепкого взгляда женщины-подельника, несмотря на полутьму каморки, не укрылся разбитый кулак.

– Ты надрала жопу или тебе?

– Я. – Зачем-то пояснила Ани, хотя хозяйка квартиры наверняка обо всем догадалась сама – других ссадин, кроме поврежденной конечности, не наблюдалось.

– Тогда хорошо. – Прозвучало удовлетворенно, будто порадовался, изменившемуся в пользу любимой футбольной команды, счету спортивный комментатор. – Все, можешь забирать устройство – готово. Пришлось из-за тебя пропустить шоу Уилли...

В памяти колыхнулось: Уилли Байрон, телевизионная программа, шоу, в котором стравливают две противоположные стороны, разжигая разномастные конфликты – редкостная гадость.

– Как можно такое смотреть? Там все время орут...

– Да, орут, смешные такие. С кулаками друг на друга кидаются, мы с Биби делаем ставки на победителя.

Ани презрительно скривилась; спрашивать о том, кто такая Биби не имело смысла. Они и с «кожаной» бабой после этой встречи навряд ли увидятся.

– Гаджет твой стоит на предохранителе пока – вот переключатель, видишь? Не смести случайно, а то взлетишь вместе со своим пластидом, не дойдя до машины дружка, если тот вдруг решит завести мотор. – Раздался гнусный смешок. – Работай ночью и работай тихо. Я тебе в качестве подарка положила в пакет клеевую массу – чего сама намешивать будешь? Ее, сама знаешь, на обратную сторону наложишь, и к крутящему элементу – на ось или рулевое управление. Или под движок.

Сказать спасибо? Может, еще обнять «коллегу» за проявленное участие и выдачу «бонусных» советов? Чтобы не грубить без надобности, Ани промолчала. Коротко и скупно кивнула, положила аккуратно упакованный в тонкую пленку взрыватель в нагрудный карман ветровки и развернулась, чтобы уйти.

– Ты, это, слышь? Только рядом с моим магазином не закладывай. Он мне еще пригодится.

– Цветы хорошо продаются?

– Не продаются, но пахнут. А это я люблю.

– Ну, тогда не буду.

Квартиру Ани-Ра покинула со смешанным чувством сожаления и облегчения, похожим на то, какое возникает при выходе из палаты неизлечимо больного, но при этом довольного жизнью, человека.

* * *

Ночь тянулась бесконечно.

Нет ничего хуже, чем вооружившись вилами, собравшись, наконец, силами и смотивировав разум, стоять у крыльца дома с наклеенной на двери запиской «Я ушел в гости». Глупое чувство, тупое положение и ощущение тонкой издевки сверху – мол, давай-давай, а все цепочки сложились так, что твои планы в жизнь не воплотятся.

Джипа на подъездной дорожке не было. Ни в одиннадцать вечера, ни в полночь, ни в час ночи. Не появился он и к двум.

Ани медленно испытывала на себе все круги ада – один изошренной другого: сначала изо всех сил боролась с дискомфортом при мысли о бомбе в собственной машине, никак не могла забыть о ней, ежесекундно ощущала лежащий под пассажирским сиденьем злосчастный предмет всеми клеточками кожи. Сидеть рядом с пластидом, в который воткнут взрыватель (пусть даже на предохранителе), все равно, что свесить ноги с пятикилометрового обрыва и

периодически ерзать на треснувшем камне попой, проверяя, отвалится или нет? Нет, не отвалился, надо поерзать еще... Рядом, наверняка стояла и ухмылялась смерть – Ани казалось, что обернувшись, можно увидеть ее размытый темный силуэт. И потому не оборачивалась.

На втором часу ожидания тревога стихла – кончились силы, и резко, будто подкараулив правильный момент, навалилась усталость – сидеть с открытыми веками стало невмоготу. Ани пыталась слушать радио, но то усыпляло лучше всякой колыбельной, пыталась перебирать в памяти хорошие события, но на ум то и дело лезли плохие, щелкала себя по кончику носу, чтобы взбодриться, но и это не помогало.

Где проклятый Эльконто? Где его носит? Где? Ей нужна всего минута, чтобы подобраться к автомобилю, перещелкнуть выключатель из положения «выкл» в положение «вкл» и свалить отсюда. Вот только для начала ей нужен сам автомобиль – треклятый черный джип.

Что за ночь? Что за неудача?

К четырем часа утра собственные веки казались цементными мешками на худеньких дрожащих плечах – проще просесть в коленях и дать осесть всей конструкции, нежели удерживать ее на жалких резервах истощившейся воли.

Не спать, не спать, не спать.

Но как тихо и сладко спал вокруг район – ни одно окно не светится, в спальнях уютная полутьма, под одеялами тепло. Руки и ноги разметаны по мягким матрасам, под пальцами простыни, под головами подушки, носы сопят мелодию ночи... Им завтра не вставать спозаранку... Вкусный завтрак, утренние новости, взошедшее золотое солнце – это все позже, а пока можно поспать. Ведь это так вкусно, так сладко, когда тело расслабленно, когда можно перевернуться на спину, на бок, на живот и снова на бок, подтянуть подушку под щеку, устроиться поудобней и, не пробуждаясь, вновь провалиться в мягкую постельную негу.

К пяти часам утра, так и не дождавшись джипа, Ани уснула – проснулась в половине девятого, когда вместо едва забрезжившего рассвета, вокруг ярко светило солнце, по дорожке – бодрые и деловые – сновали люди, поливались дворниками клумбы и выгуливались хозяевами собаки.

Черт...

Мотор серого седана завелся со второй попытки. Бросив в зеркало короткий взгляд, Ани-Ра крикнула от разочарования – внедорожник Эльконто так и не появился – и вывернула на соседнюю улицу, чтобы влиться в оживший на проспекте машинный поток.

В четырех стенах ее постоянно терзало чувство безделья – собственной бесполезности и непричастности к нужным событиям, и оттого проснувшись в следующий раз уже около полудня она позавтракала и почти моментально сбежала на улицу. Гулять, ходить, опять проводить бесконечно тянущиеся дневные часы в ожидании вечера – завернувшийся в змеиное кольцо жизненный план.

Ани злилась.

Раздражало яркое теплое солнце, улыбки прохожих, безмятежность проезжавших по привычным маршрутам желтых автобусов, играющая из дверей кафе музыка – она должна довершить начатое. Довершить, убедиться, что Эльконто мертв, и уже тогда успокоиться. Иначе не жизнь, а пытка. К трем часам дня на Лингтон драйв ей случайно попала на глаза доска объявлений с разноцветными листовками и рекламными проспектами с отлепившимися краями; трепетали на ветру наполовину оборванные «язычки». Из всей массы напечатанных букв глаза выхватили строчки:

«Психологическая помощь при депрессиях. Лечение. Консультация профессионала. Недорого».

Сама не зная зачем, Ани оторвала всю листовку целиком и спрятала ее в карман.

* * *

(Lara Fabian – Adagio (English))

Может, так действовали выпуклые корешки стоящих на полке умных книг? Или медленно покачивающийся на бежевом деревянном столе небольшой хромированный маятник? Или же песочные часы, которые давно никто не переворачивал, будто указывая на факт неспешности, наличия неограниченного количества времени, которого хватит на все – на то, чтобы выслушать, разобраться в ситуации, понять и помочь.

Ани-Ра не знала, что именно так действовало – мягкая софа, спокойный взгляд темных женских глаз или же успокаивающая игра солнечных лучей на ковре, но в этом кабинете действительно *хотелось* говорить.

И она говорила, говорила и говорила, и все никак не могла успокоиться – перебивала саму себя, захлебывалась эмоциями и выдавала все новые порции путаной, порой бессвязной речи.

– ... Все изменилось тогда, когда мы нашли карту – ту самую карту, понимаете? Не бумажную, как мы поначалу искали, а электронную. Странный предмет с экраном, и на нем было видно все – местонахождение солдат, рельеф местности и юниты. ЮНИТЫ! Получается, эти сволочи, всегда знали, куда мы движемся и попросту отстреливали, как скот. А теперь о юнитах знали не только они, но и МЫ! Вы представляете, как много это для нас значило? И тогда, именно тогда, все изменилось... Вам не понять, да? Но это было важно, поверьте. Из обычной кучи «повстанцев» мы превратились в настоящий боевой отряд с оружием, стратегией, планами – мы уже могли противостоять, понимаете? Противостоять!

Руки тряслись так сильно, что небольшую фарфоровую чашку с чаем пришлось отставить на широкий деревянный подлокотник софы.

– И Ивон, стала замечать меня, принимать за свою, мы стали вместе просчитывать действия на завтрашний день, планировать набеги, думать о том, как добраться до противоположной стороны Уровня...

– Зачем?

– Чтобы найти портал.

У сидящей напротив женщины был удивительно мягкий голос – правильный, глубокий, поощряющий продолжать повествование. Темная кожа, черные кудрявые волосы и ровная, идеально отглаженная блузка, цвета морской волны. Пальцы, с накрашенными бордовым лаком ногтями, изредка вздрагивали, когда сцепленные в замок руки сдвигались на сантиметр или два в сторону.

Ани-Ра, не замечая ни деталей, ни обстановки, тонула в воспоминаниях:

– Мы очень долго шли вместе... Отряд вырос до тринадцати человек. А потом...

Ее голос вдруг прервался; в кабинете повисла тишина; на столе равномерно мотался из стороны в сторону маятник.

– А потом?

– Ивон погибла потом. Попала в засаду, и я не успела ее вытащить. Нет, успела, но не вовремя, поздно... – Слова казались куцыми, незаполненными смыслом, не умеющими передать тяжесть сожаления. – Я не успела.

Сердце вновь, как и тогда, стучало в горле.

– Я держала ее той ночью на коленях, умирающую. Руки в крови, ее крови. Она замолчала перед рассветом, а я все гладила и гладила ее голову, плечи, куртку. Она остыла у меня на руках.

Ани зависла. Долго не могла заговорить вновь – пыталась проскочить сложное воспоминание, но программа в голове дала сбой – возвращалась на поврежденный сектор и выдавала одну и ту же картинку.

– Я копала ей могилу одна. Откидывала эти камни, землю... Рыла ее штыком от винтовки. Не знаю, почему я была одна – куда делись остальные? Я отбилась от них, потеряла всех и так и не нашла. Я долго копала... кажется, целый день – очень хотела похоронить ее, как человека. Как достойного человека, который сражался не только за себя, за других. А после... не хотела жить. Думала, буду сидеть там, пока меня не подстрелят. Ждала, чтобы кто-нибудь... быстрее.

В глаза напротив, закралась тревога; руки несколько раз сменили положение – распался и вновь скрепился из черных пальцев замок, но молчание не нарушилось.

Ани-Ра безрезультатно сглотнула вставший в горле ком, и привычно, безо всякой жалости, смахнула текущую по щеке слезу.

– Меня никто не подстрелил. Странно, да? Рок какой-то... Я просидела там до самого заката, представляете? И никого. Ни карты, ни юнитов, ни человека вокруг. Я тогда думала – застрелюсь сама. Просто дуло к виску и выстрел – несложно ведь, да? Нет, несложно, но ведь Ивон сражалась за меня – за что? За меня, дуру? Чтобы я вот так? Нет...

Женщина-психолог, кажется, не дышала, но с лица не сходил вопрос – что дальше? Что случилось дальше?

– А дальше... как все порой странно – я встретила и отбила у чужих «повстанцев» солдата. Они его мучили, понимаете? Нет, вы не подумайте... – Ани заломила руки. – Я не «за» солдат – они скоты, но мучить зачем? Поймал – убей, зачем мучить? А его пинали, его били ногами в лицо... И я... я застрелила «повстанцев» – я была не в себе, да? Вы думаете, дура? Я застрелила двух мужчин. Своих.

Что думала, темнокожая женщина, осталось тайной – Ани не ответили.

Теперь дрожало все внутри. Не радовал ни свет на ковре, ни остывший чай, ни корешки незнакомых книг.

– Я странная, да? – Болезненная усмешка исказила не столько лицо, сколько сердце. – Я рехнулась... Я тоже так думала, когда тянула его с собой – лечила, кормила, укрывала по ночам своей одеждой. А он немым оказался... Не знаю, почему. Немым. Может, языка у него не было – страшненький такой парнишка, лицо узкое, глаза карие, нос с горбинкой, но если бы не он, я бы не вышла, понимаете? Не прошла бы до конца. Это он меня научил всему – всему. Как драться ножом, как уворачиваться от захвата, как бить так, чтобы... сразу. По вечерам он рисовал на земле карты – показывал короткие и безопасные проходы между холмами, мы жгли костры. Стрелками указывал куда идем, куда двигаться. И это он...

Ани вновь прервалась на секунду. Сглотнула.

– ...это он показал расположение портала. И я вышла. Потому что поняла, где он... Знаете, я вот только сейчас подумала? Ведь только солдаты знали про портал. Тогда откуда Ивон? ... Неужели она тоже их мучила, била, как те мужики. Резала? Нет...

С пересохших губ слетел недоверчивый страшный смешок.

– Она ведь не мучила, солдат, да? Она бы не стала... Но только она знала про портал. И она знала, кто главнокомандующий. И теперь знаю я. Странно это, да?

– А что случилось с тем солдатом?

– Он умер, защищая меня. – Фраза прозвучало глухо и безэмоционально – сил на эмоции не осталось; Война, кажется, выжгла их все. – Я до сих пор не знаю, как его звали.

Погруженная в собственные мысли, Ани не сразу заметила, что лицо женщины напротив давно утратило участливое выражение – превратилось в удивленную, пропитанную тревогой маску. Но размер истинной паники выдавали глаза, в которых за тридцатью тремя перегород-

ками из умело выстроенного профессионализма, проглядывал страх: «Передо мной настоящая психопатка. Больная, помешанная... Не вылечить, нет. Изолировать».

А Ани-Ра, к собственному счастью, научилась различать оттенки во взглядах так же хорошо, как и убивать.

Психолог все еще пыталась сохранить добродушное выражение, но дрогнувший при следующем заданном вопросе голос, выдал всю глубину заложенного в него смысла.

– Где? Где все это было?

Ответ дался легко. Как и понимание того – не помогут. Здесь ей не помогут. Нигде.

– Во сне.

Чуть больших усилий стоило натянуть на лицо маску расстроенного, но нормального человека и замаскировать возникший – Ани знала, он возникал там всякий раз при мыслях о Войне – нездоровый блеск в застывших глазах.

– Меня мучают кошмары. Очень детальные. Вы же видите? Кошмары.

Челюсть темнокожей женщины отвисла до самых, сцепленных в замок, пальцев.

Пять минут спустя Ани-Ра Эменхайм покинула кабинет, швырнула в секретарскую урну выписанный на успокоительное рецепт и быстро зашагала по коридору. А еще пять минут спустя она тряслась на трамвайном сидении, смотрела через пыльное окно на проплывающие за окном знакомые улицы стабильного Нордейла – его дома, людей, тротуары, и с омерзением чувствовала, что давно не была такой опустошенной. Оплеванной, пустой и никому не нужной.

Этой ночью, семью часами позже, она прикрепила к днищу черного джипа бомбу.

Глава 4

– Прекрати это, Барт!

Пес мешал слушать новости, читать газету, пить и попросту наслаждаться хорошим утром – утром выходного дня, когда не нужно ехать в штаб, нестись к Начальнику, писать отчеты и рапортовать о событиях. Довольный, несколько минут назад вышедший из душа, Эльконто пытался строить планы: сначала хороший плотный завтрак, затем полигон – давно хотелось опробовать новый прибывший на склад пулемет «СМР-28», затем возвращение домой, часок вздремнуть, а после с ребятами в бар. Как же давно он не пил пива и не хрустел чипсами.

Мысли то и дело прерывались звуком катаемой по кафельному полу железной миски – пес требовал еды.

– Да я ж тебе положил другого корма – вот им и хрусти!

Овчарка бросила на хозяина недовольный, чуть виноватый взгляд и тут же вновь принялась толкать носом миску.

– Ты пытаешься клад под полом отрыть? Его там нет. Ешь вон те камни, у холодильника, твои любимые кончились, позже куплю.

Барта объяснение не удовлетворило – он лег возле пустой посуды и всем видом признал поражение. Хорошо, мол, так и умру здесь, некормленный, неласканный, одинокий и никому не нужный.

Дэйн терпел это шоу минут пять, пока скрежет металла о кафель не начал раздаваться вновь – умная псина вовремя сообразила, что вид поверженной «жертвы» не приводит к нужному результату и сменила тактику; Эльконто смял в кулаках края газеты и зарычал:

– Ладно! Уболтал увалень ушастый! Поехали в магазин – сам выберешь, какой захочешь.

Коричневые уши тут же встали торчком, а мохнатый хвост радостно заколотил по полу.

– Я из-за тебя час времени потеряю... Блин, только настроишься на отдых, как твои планы тут же кто-нибудь выстроит за тебя.

Раздался согласный восторженный «гав».

– Ну-ну. Все, иду, одеваюсь. И не вздумай снова гонять эту миску – поцарапаешь пол, надаю по жопе.

Эльконто шумно вздохнул, отодвинул недопитый кофе, щелкнул пультом от телевизора и, провожаемый довольным взглядом питомца-манипулятора, покинул кухню. Уже из коридора проворчал:

– Лучше б я Пирата взял себе. А тебя отдал Стиву.

Пес погрустнел. Впрочем, ненадолго, потому что уже через секунду, проскальзывая когтями по плитке, бросился следом за хозяином.

Редко какой день начинался так же ласково, как этот: залитая утренним светом улица, исходящая от покрытой росой травы свежесть, легкий и теплый ветерок постепенно уходящего лета, разлившийся в воздухе запах земли, асфальта и пыли, полное отсутствие прохожих.

Дэйн остановился на крыльце, потянулся до хруста в суставах, полюбовался лужайкой, которую собственноручно подстриг несколько дней назад и развернулся, чтобы запереть дверь.

Барт, тем временем, помочился на розовый куст, обежал, проверяя сохранность владений, периметр дома, вернулся и радостно застыл на мощеной дорогим бежевым гравием дорожке.

– Если ты продолжишь на него ссать, он засохнет – я же это уже говорил? Говорил. Но тебе все равно – не ты платишь садовнику.

Псу, несмотря на постоянное ворчание, было так же радостно, как и Эльконто. «Хороший день, – говорили умные карие глаза, – хороший. Поехали уже за едой, а после ты возьмешь меня с собой на полигон, где в лесу я погоняюсь за кроликами»

– Ага, разбежался. Будешь дома сидеть – свои камни жрать.

Барт отрывисто гавкнул.

– Вот привык ты со мной спорить, а? Что за манеры...

По дорожке к машине они зашагали вместе – двухметровый, одетый в легкую футболку, мужчина с белым «ежиком» коротко стриженных волос на голове, и его мохнатый и ушастый друг.

Отрывисто пикнула, сообщая об отпертых замках, сигнализация джипа; Дэйн ловко перехватил брелок пальцами и отпер водительскую, а затем и пассажирскую двери.

– Залезай.

Барт рванулся, было, вперед, но почему-то замер. Не прыгнул, как делал сотни раз до этого, на кожаное сиденье, не завозился на нем, поскуливая, чтобы тут же опустили окно – ведь как же без ветерка? – вместо этого напрягся, принялся, опустил голову и утробно зарычал.

– Эй, друг, ты чего? Лезь в машину. Давай. Чего это с тобой?

Пес не двинулся с места – его глаза, словно приклеенные, смотрели куда-то вниз – в просвет между асфальтом и колесами; загривок вздыбился.

За всю историю совместной жизни Дэйн едва ли мог припомнить такое странное и почти неуместное поведение овчарки – что за ерунда?

– Ты чего там увидел? Кто-то пометил нам колесо? Кошка забралась под машину?

Эльконто даже нагнулся, чтобы убедиться, что кошки там нет – да и вообще, Барт, насколько он помнил, миролюбиво относился ко всем четвероногим из семейства кошачьих.

Всколыхнулось раздражение; минуты чудесного дня утекали в трубу – время к обеду, а он никак не может доехать до магазина.

– Нет там никого. Залезай, говорю! Пошел!

Дэйн попытался сдвинуть мохнатую холку с места, но в асфальт тут же уперлись длинные когти; тело Барта напряглось, как каменное.

– Да ты что, вообще? Достал меня с утра уже... Залезай!

Рычание усилилось.

– Блин, надо было тебя дома оставить. – Эльконто раздраженно звякнул ключами; внутри маревом заколыхалась злость. – Слушай, ты, как хочешь – оставайся здесь, а я поехал. Заколебался я тебя уже ждать...

Но стоило ноге в белом спортивном кроссовке оторваться от земли, как штанину тут же схватили, клацнув, острые зубы. Схватили и что есть мочи потянули назад; от неожиданности и примененной силы Дэйн покачнулся и едва не упал – пошатнулся, кое-как выровнял равновесие и тут же заорал:

– Слушай, я тебе по заднице сейчас дам! Ты мне джинсы испортил! Отцепись от меня, фу! Выпусти штанину, говорю!

Он даже замахнулся – больше демонстративно, нежели с намерением ударить – Барт вздрогнул, прижался к земле, но штанину не выпустил; рычание теперь лилось из его груди непрерывно.

– Барт!!!

Пес кое-как разжал зубы и тут же принялся скулить.

– Да в чем дело, бл%нь!?

Собацьи глаза смотрели в одну и ту же точку, куда-то под поддоном; шерсть на загривке не опадала.

Эльконто выругался, разочарованно мотнул головой и уже решил, было применить силу, чтобы оттащить сбрендившего пса от джипа и забросить его в дом, когда неожиданно замер

сам – в голове резко и неожиданно всплыла брошенная Лагерфельдом фраза месячной давности:

– Зачем ты натаскиваешь его на взрывчатку? Он же агрессивным станет. Помнишь, что говорил Дрейк? Нюх портится, сознание меняется, собаки перестают нормально воспринимать незнакомые запахи, злятся. Ты б еще на наркоте его подсадил...

– На наркоте не хочу. А взрывчатка... вдруг пригодится? – Тогда ответил он.

– Ну, «вдруг», конечно, всегда может случиться.

Доктор покачал, помнится, рыжей шевелюрой, а Дэйв от своего не оступился – все возил Барта на полигон, учил распознавать, реагировать, учил... рычать в случае опасности.

– Да быть такого не может! – Шея, несмотря на умеренно теплый ветерок, покрылась испариной. – Быть этого не может, Барт...

Пес вновь принялся рычать. Совсем как тогда, на поле, рядом с ящиками, в которых хранился пластик.

Снайпер застыл, и какое-то время не мог заставить себя сдвинуться с места – находиться рядом с джипом вдруг стало неуютно, лезть внутрь расхотелось вовсе.

– Не думаю, что ты прав... Но если ты прав...

Он развернулся и на деревянных ногах зашагал к дому; утро из чудесного, превратилось в ненастоящее, пластиковое. Отпер входную дверь, не разуваясь, спустился в подвал – в специализированную кладовку, куда заходил редко и выкатил из угла запылившуюся конструкцию – длинный шест с прикрепленными под углом отражающими пластинами и небольшим фонариком – досмотровое зеркало. Выматерился, вынес его сначала наверх, затем во двор, а минуту спустя обнаружил под днищем машины прикрепленную под двигателем бомбу.

Бомбу.

Барт продолжал то рычать, то скулить. Эльконто наклонился, медленно потрепал его по загривку, еще медленнее, потея, достал ключи из кармана – не дай Создатель случайно нажать теперь не ту кнопку, и сжал стальное колечко руками; ладонь дрожала. Другой рукой он вытащил из заднего кармана телефон – затем, встрепенувшись, засунул его назад и тихо скомандовал.

– В дом. За мной, Барт, в подвал.

Звонил он уже оттуда; дверцы внедорожника остались распахнутыми.

– Дэлл, в моей машине бомба.

На том конце зашуршали простынями, потянулись и сонно промычали.

– А кто говорит? Отделенная от головы челюсть, валяющаяся рука или оторванная нога?

– Я тебе сейчас пошучу, говнюк! Давай, говорю, сюда! Я без тебя ее трогать не буду!

Мямленье и бормотанье быстро сформировалось в трезвый голос:

– Ты это серьезно? Бомба в твоей машине?

– Нет, блин, очередной день дурака тебе устроил, и сейчас натяну колпак и станцюю! Конечно, серьезно! У меня там дверцы нараспашку – какой-нибудь дурень залезет, весь район взлетит на воздух.

– Тьфу, бНя. А я думал, посплю сегодня подольше...

– Я тоже так думал. Ты едешь или нет?

Барт, вертикально подняв уши-локаторы, внимательно смотрел на хозяина – казалось, он тоже ждет ответа.

– Еду.

В трубке раздались короткие гудки.

– Он едет. – Пояснил псу Эльконто. – Сейчас все наладится. Сейчас. Скоро.

И вытер выступившую на лбу испарину.

Сорок минут спустя Дэлл Одриард – специалист по взрывчатым веществам – сидел на кухне, сложив локти на ту самую газету, которую Эльконто так и не дочитал, и крутил в пальцах извлеченный из пластида взрыватель. Его светлые брови хмурились, а губы то и дело поджимались – шел напряженный мыслительный процесс.

– Работал непрофессионал. Взрывчатки слишком много – ее бы хватило на то, чтобы снести пару-тройку окрестных домов, а не только твой особняк, в этом ты был прав. А я знаешь, – Одриард невесело усмехнулся, – до последнего думал, что ты шутишь.

– Мда уж. – Крякнули в ответ. – Мне что, делать нечего – из постели тебя в выходной выдергивать? Я и сам до последнего не верил, но Барт рычал, как заведенный.

– Хороший у тебя пес. Молодец.

– Да, молодец.

Серо-коричневый объект похвалы лежал на полу, положив голову на лапы – слушал. Он успокоился, а вот Эльконто пребывал в состоянии далеком от покоя – каждый раз при взгляде на небольшой предмет, зажатый пальцами коллеги, его охватывала нервная дрожь, как при взгляде на ампулу со смертельным вирусом, которая чудом не попала в кровь.

– Сука. Меня преследует какая-то сука.

– В смысле?

– Недавно кто-то пытался прострелить мне башку из снайперской винтовки. Как и в случае с этой бомбой – непрофессионал. Он промахнулся, но был очень близко – оцарапал шею. Мои люди отыскали квартиру, но снайпера и след простыл. А теперь и это... Готов палец себе отсечь – работал один и тот же человек.

– Тебя настолько сильно кто-то не любит?

Дэйл невесело усмехнулся.

– Видимо.

– И ни одной идеи, кто это может быть?

– Пока ни одной.

– Значит, сегодня соберем совет. Если это второе покушение, значит, будет и третье – надо взять этого гада до того, как он, все-таки, сделает тебя.

– Любишь ты пошутить. С утраца-то.

Дэлл улыбнулся одними губами; в голубых глазах, однако, продолжала стыть тревога.

– Обзвоню ребят, сообщу тебе, где и во сколько соберемся. А это, – пальцы прокрутили взрыватель вокруг собственной оси, – я заберу с собой, как и пластид.

– Да уж будь добр.

– Буду.

На том и расстались.

* * *

Тремя часами позже в неприметный бар под названием «Три розы» – пустой и тихий в послеполуденный час – вошли с разницей в минуту-полторы один за другим девять мужчин. Почти весь состав отряда специального назначения.

Бармен удивился, но виду не подал – немолодой мужчина с песочного цвета волосами и седеющей бородой привык в любой нетривиальной ситуации сохранять спокойствие, однако, вид девятерых здоровяков, скучковавшихся за дальним столом и заказавших не пиво, вино или коньяк, а минеральную воду, его порядком озадачил.

Чтобы разобрать предмет беседы, Гриффин Дональдсон незаметно приглушил звук висящего в углу плоского телевизионного экрана, транслировавшего состязание яхт с Аранских островов, но через полминуты получил удивительно тонкий и ясный намек от одного из посетителей – двухметрового брюнета с длинными, незаплетенными в хвост и неубранными тем-

ными волосами, который сообщил, что звук желательно вернуть на место. А еще желательно, глаз не поднимать и заниматься протираанием стаканов – так безопаснее.

Дональдсон подчинился.

Брюнет вернулся за стол, и прерванный совет возобновился.

– Я вот что думаю, – Аарон Канн – стратег и тактик отряда, поставил локоть на стол и прошелся пятерней по светлым волосам на висках, – нужно разбить задачу на части, провести расследование и получить больше информации. Пока нам известно мало – без этого не двинемся. Знали бы твоего врага в лицо – подключили бы к делу Мака (*специализация Мака Аллертона – преследование людей на расстоянии. Подробнее об этом можно прочитать в книге «Чейзер». Здесь и далее примечание автора*), но так как этих данных нет – придется их сначала найти.

Халк, Дэлл и Дэйн одновременно кивнули; остальные согласно промолчали.

– Логан возьмет на себя просмотр видео с уличных камер – сколько их вдоль твоей дороги?

– Две.

– Маловато. Но шанс засечь машину или минера есть. Логан, сколько на это уйдет времени?

Темноволосый мужчина, с ясными и синими, как осеннее небо глазами, взглянул на дорогие, застегнутые на запястье золотые часы.

– Час. Два от силы.

– Отлично. За тобой, Дэйн, пока приставим парную слежку, остальных распределим наблюдать за районом. Доктор на всякий случай должен находиться рядом – если этот псих провел два покушения с таким маленьким интервалом, третьего ждать следует очень скоро. Будем шерстить всех подозрительных личностей тихо – нельзя спугнуть наш объект. Ты сам, – Аарон вновь обратился к виновнику «торжества», – будь на виду. Не скрывайся, не прячься, веди себя спокойно, опроси пока соседей – может, кто-то видел кого-то подозрительного, мало ли.

Ощущавший с самого утра дискомфорт Эльконто, нехотя кивнул.

– Да-да, буду беззаботен, как ласточка в весенний день. Но бля буду, если этот гад подстрелит мне Барта, из-под земли достану и все кости вытащу наживую одну за другой.

– Барта не бери с собой. – Качнул головой Рен Декстер, прокручивая на деревянном столе дно стеклянного стакана. – А тебя мы пока прикроем.

Снайпер тяжело вздохнул и принялся сокрушаться.

– Нет, ну надо же, я сегодня собирался пострелять. Выходной псу под хвост, еще и вас от дел отодрал...

– Не ной. – Хлопнул того по спине сидящий рядом доктор. – Проставишься нам потом по полной. Хорошим коньяком, например.

– Лучше сигарами. – Промычал сенсор отряда, в этот момент пытающийся раскурить одну из них. – Я «войму игарами».

– Кто бы сомневался!

– А я согласен новыми пушками. – Ухмыльнулся Мак Аллертон.

– А Дэллу, может, гранат полмешка отсыпать? Вы из меня службу доставки нуждам населения не делайте. Годами с вами буду потом расплачиваться.

По периметру стола раздались веселые смешки.

– Не нервничай, – посоветовал Канн, – мы его очень быстро возьмем – этого гада, и тогда уже поедешь стрелять на полигон. С Бартом, и спокойный, как полагается. Всякое бывает, сам знаешь. Так, ладно – работаем, ребятки, работаем. Подъем, пора за дело.

Заскрипели по полу ножки одновременно отодвигаемых стульев.

* * *

Кончик ручки над вырванным из блокнота листом неопределенно завис; рука дрожала. Хотелось выпить. Нет, не выпить – наглотаться из любой бутылки чего-нибудь сильнодействующего и забыться – случайно ошибиться с дозой, и уснуть насовсем. По ошибке. По счастливому совпадению. Чтобы не сидеть больше в опостылевшей квартире с пустой отмершей душой, что травит тело и сознание, ни гнить изнутри от мести, не напоминать ходячий труп в виде женщины, которая разучилась жить.

Зависший над листом кончик ручки, наверное, задавался вопросом – зачем он подрагивает в воздухе, бесполезный, но Ани никак не могла двинуть мыслительный процесс вперед; по вискам тек пот, тело колотил озноб, казалось, она заболевает.

Этим утром, едва проснувшись, она, как неспособный думать ни о чем другом, кроме аптеки с морфием, наркоман, бросилась на ту знакомую улицу, которую уже начала ненавидеть. И увидела ее – целую. А под машиной – заметила еще издали – возился какой-то мужик...

Ее сердце медленно и гулко пропустило удар. Затем второй.

Тень от телефонной будки стала прикрытием, а крашенный красным бок опорой для враз обмякшей спины. Ощущая одновременно негодование и разочарование, Ани сгорбилась, уперлась ладонями в колени, и какое-то время стояла так, немая, тяжело дышащая и вновь проигравшая.

Бомбу обнаружили до взрыва. Вторая попытка сорвалась.

Джип цел, Эльконто невредим.

Улица вокруг, как и прежде, тонула в мирном мареве утра, цвела яркими пестрыми клумбами и пахла кожистыми упругими зелеными листьями – плотными и здоровыми.

К разочарованию припелся лучик облегчения.

В какой-то момент Ани с удивлением осознала, что где-то внутри, где-то очень глубоко, она не желала этого взрыва. Не хотела гари и копоти, слез, разрушенных заборов, обгоревшей травы. Ей, к собственному изумлению, вдруг стало легче дышать – легче настолько, что припустился накативший ранее приступ тошноты.

Проигрыш... Выигрыш... Какая разница? В чем смысл жизни? В чем?

Через минуту она сумела окончательно справиться с рвотными позывами – выпрямилась и какое-то время просто стояла, неуверенная более ни в себе, ни в собственной логике, ни в правильности выбранных желаний, а после, пошатываясь, зашагала обратно к дому.

Вернуться. Составить новый план. Осуществить его. Победить.

Где-то там, на полдороге, так и не дойдя до Ани, потерялась такая нужная и ценная в этот момент злость, а вместе с ней и решимость, а, главное, нужность собственных действий. И вместо того, чтобы, как и раньше, гореть жаждой мщения, хотелось кричать, а еще лучше просто отделиться от отмершей себя, и тихо и незаметно уйти в сторону. Пусть домой шагает эта почерневшая изнутри и снаружи оболочка, а Ани – настоящая Ани, пойдет гулять. Она пойдет, как и когда-то, радоваться жизни, мечтать, напевать под нос, она станет, наконец, свободной. Пусть даже на минуту или на несколько секунд, но свободной, после чего уйдет или улетит к Свету...

«Ты улетишь во тьму, Ани. Во тьму...».

Эта мысль отрезвила ее тогда – неуверенную и вновь сломленную неудачей – по дороге домой, отрезвила и теперь, сидящую в собственной комнате с застывшей над бумагой ручкой.

Такие, как она – проштрафившиеся – не улетают к свету, они навсегда уходят во мрак. За слабование, за грехи, за неспособность сделать в нужный момент правильный выбор, за ошибки. А ошибок уже было слишком много, слишком. И хорошо, что взрыв не прогремел.

Пусть кто-то невинный живет и продолжает радоваться, а способ унести с собой во мрак Эльконто еще найдется.

Ани-Ра вздрогнула, отложила ручку, поднялась и принялась кружить по комнате – заставила себя, наконец, думать. Она устала от такой жизни, устала от самой себя, и силы на исходе, а, значит, будет еще одна попытка – всего одна – на большее ее не хватит, которая должна стать последней.

Либо «да», либо «нет». Либо ноль, либо один. Выиграть, погрязнув в мести, невозможно – возможно лишь утолить жажду невидимого зверя, чтобы потом, напившийся крови врага, он, наконец, уснул, ушел, умер. Оставил тебя в покое.

Итак, что она может сделать на этот раз. Что?

В окно полутемной комнаты, вычерчивая резкие тени, било полуденное солнце; несколько минут Ани неподвижным взглядом смотрела на улицу, слушала безмолвное метание собственных мыслей и отбрасывала один вариант за другим.

Отравить доставляемую Эльконто на дом еду? Слишком сложно – много тонких моментов: выбрать правильный яд и его дозу, незаметно подобраться к курьеру, пропитать пищу, избежать отклонения вкусовых оттенков, иначе все не в рот, а в мусорку. А враг теперь зол, теперь он понимает, что за ним охотятся – будет во всем и всех видеть подвох. Еще, скорее всего, подключит к слежке друзей, ведь есть у главнокомандующего Уровнем: Война друзья? Есть? Точно есть – такие же, как и он сам, ублюдки...

Значит, не еда.

Тогда что?

Можно подловить его во время движения по трассе – устроить аварию, заставить врезаться себе в багажник, остановиться, дожидаться выхода цели наружу и расстрелять. Вот только не выйдет такой, как он, и даже не остановится. Потому что понимает, что к чему, и потому что сразу сообразит, что это «подстава».

Нет, не сработает. Даже непрофессионал Ани понимала – не сработает.

Далее...

Пробраться в дом? В помещение, план которого неизвестен? Ловушка для самого себя.

Но если не авария, не проникновение в дом и не вторая (упаси Создатель и спасибо, что не взорвалась первая) бомба, тогда где он – узкий «коридор», по которому Эльконто проходит изо дня в день? Где то место, в котором он появляется постоянно и которое попросту не может миновать? Где во всей цепочке слабое звено?

Перед глазами всплыла раскинувшаяся перед особняком огороженная забором лужайка. Тень от высоких деревьев. Густые кусты. Бежевая, ведущая к входной двери, гравийная дорожка...

Вот по ней он проходит каждый раз.

Напряженные губы сжались так плотно, что почти исчезли с лица; между тонкими бровями залегла морщинка. Прокручивая в памяти детали планировки двора, Ани-Ра поймала себя на мысли, что ее глаза перестали различать день и ночь: темень или яркое солнце, закатный полумрак или дымчатый рассвет. Сутки в голове сместились, часы и минуты слиплись – осталась лишь цель и путь к ней. Осталась одна дорога, а дальше возжеленное успокоение, тишина, отдых.

Скорее бы. Потому что она устала. Так устала, что уже почти все равно – умрет Эльконто или нет, а подобные мысли – предательство не только себя, но и тех, кого она похоронила за спиной.

Вернувшись к столу, Ани села на диван, склонилась над низким столом и принялась писать подробный план.

* * *

За несколько часов непрерывной работы разбитые на пары «наблюдатели» среди уличных прохожих «неадекватов» не выявили, как не нашел среди видеозаписей с камер внешнего наблюдения нужного лица и Логан Эвертон. А вот бабка... бабка рассказывала кое-что занятное.

– ... Я же говорю, раньше этой машины на нашей улице не видела. А в ней спящая девчонка – и это в пять-то утра! Я бы еще поняла – мужик бы дремал, но не девушка...

– Вы уверены, что это было в пять утра?

Стоящий у ограды находящегося вниз по улице соседского дома, Дэйн покачивался взад-вперед на упругих подошвах кроссовок.

Кудрявая мисс Летти качнула дряблым подбородком:

– Конечно. Меня разбудила Муся – моя собака. Она скулила перед кроватью и просилась на улицу. Я, конечно, попричитала с минуту, но потом поднялась и вывела ее. А как не вывести? Надует ведь снова в коридоре. Нет, она хорошая, долго может терпеть, и характер золотой, но если начинает вот так скулить, то лучше...

– А вы можете описать девушку? – Аккуратно перебил Эльконто. – Как она выглядела?

Летти задумалась. По свиному круглые за толстыми стеклами очком глаза сфокусировались в невидимой Дэйну точке, находящейся в зоне воспоминаний.

– Могу. Она спала на водительском сидении – худая, лицо тоже худое, кофта черная...

Широкие плечи снайпера разочарованно передернулись – не густо.

– А волосы какого цвета?

– Волосы?

Крючковатый нос вздернулся, сморщенный рот приоткрылся, обнажив пожелтевшие, но все еще крепкие зубы.

– Волосы? А на ней был парик.

Эльконто моментально встрепенулся и перестал покачиваться на подошвах.

– Почему парик? Вы уверены?

– Конечно, уверена. Потому что во сне он съехал на бок, но настоящих волос я не увидела – было еще темно. Помню, я тогда подумала, что на проститутку она не похожа – слишком худая. Но покрашена густо. Одна. И почему-то спит в машине – как странно все это. Странно, вы не находите?

– Очень даже нахожу. – Слишком бодро, но совершенно искренне отозвался Дэйн. – Что-нибудь еще можете о ней добавить? Машину описать?

– Машину? И машину могу описать...

И старушка, радостная оттого, что ее наблюдательность в кои-то веки пригодилась, принялась описывать детали.

* * *

С этого момента события завращались, как гигантское, поддетое рукой великана, колесо.

В 14:25 Дэйн Эльконто позвонил хакеру и сообщил о том, что подозреваемая, скорее всего, девушка, приехавшая в ночь с пятницы на субботу на Пайнтон авеню и всю ночь просидевшая в серебристом седане с номерами «Аха868Нд», и что, собственно, эту машину и требуется отыскать по базам.

В 15:08 Логан Эвертон отрапортовал о том, что искомый седан числится в прокатной компании «Моррисон-Авто» по адресу шоссе Риттон, четвертый километр и сообщил время работы пункта по работе с клиентами.

А уже в 16:28 сам Лен Моррисон, владелец автомастерской и по совместительству, проката автомобилей, наблюдал через пыльное стекло идущих по парковке рослых гостей. Станных гостей – одетых не по погоде, неулыбчивых и чем-то неуловимо похожих друг на друга. Тогда, стоя у кассы, он еще не понял, чем – осознал позже, когда мужчины вошли в помещение и остановились перед прилавком – взглядами. Холодными, спокойными снаружи, но цепкими внутри, чересчур равнодушными взглядами.

Такие не пришли арендовать, авто, нет. Такие пришли... за информацией.

Лен Моррисон не ошибся.

На прилавок между пластиковой коробочкой, доверху наполненной жевательными резинками, которые он выдавал на сдачу и дешевыми авторучками, которые клиенты охотно покупали, так как часто забывали свои, легла фотография одного из его автомобилей. Он узнал его сразу «Серпент – Вектра».

Узнал, и покрылся мурашками, потому что знал, еще тогда знал – надо было по правилам, но жадность пересилила. Черт бы ее подрал...

– Кто арендовал эту машину? Имя, адрес. Лучше скан документа.

Моррисон, стоя у одинокой расшатанной, едва помещающейся в проход между стойкой и прилавком табуретки, молчал.

Вошедшие по какой-то причине внушали ему ужас. У одного, светловолосого, на виске вился белесый шрам, у другого шрама не было, но он и без этого отчего-то казался зверем – наверное, причиной тому был все тот же бездушный взгляд серо-голубых глаз. И заткнутые за пояс пистолеты. Два.

– Я... я не знаю. Она не дала документ. Я знал, что надо было настоять, но... согласился.

Ответ вышел рваным и жалким – Лен уже давно не заикался, а тут вдруг начал.

Темноволосый с холодным взглядом склонил голову на бок.

– Как это не дала документ? Путано объясняешь – не люблю.

Мужчина за кассой от волнения закашлялся.

– Не дала. Потому что дала... д-деньги.

Гости переглянулись. Один другому процедил «Умница девка». В диалог вступил светловолосый со шрамом, и от его вопроса, Лен почувствовал новую поднимающуюся вверх по позвоночнику волну безотчетного ужаса.

– Так, значит, ты выдал ей автомобиль, не взглянув на водительское удостоверение?

Голова человека за кассой дернулась из стороны в сторону – нет. Знал ведь, черт, знал, что подобное выйдет боком. Страховка, там, починка за свой счет в случае чего, но ведь не эти громили? Их Лен не ожидал увидеть точно.

– Она просто дала тебе на лапу?

– Д-да.

– Много?

– Тысячу.

– Дешево ты продаешься.

От слов мужчины с пистолетами Моррисон почувствовал себя проституткой, отсосавшей в подворотне за полцента, хотя еще пять минут назад считал легко упавшую в карман тысячу внушительными деньгами.

– И что будем делать?

Вопрос прозвучал нехорошо, и в голове моментально всплыл образ раскаленного утюга, поставленного на голый живот – ужас-то какой! – Моррисон вздрогнул и почему-то закрычал фальцетом:

– Я расскажу, что помню. Опишу! Все детали, все-все. Все вспомню!..

Кажется, от раздавшегося в магазине крика у мужика с пистолетами презрительно дернулся глаз, а второй со скупающим видом потер шею ладонью и нехотя разочарованно кивнул.

– Рассказывай. И лучше, как ты сам сказал, ничего не забывай.

Лен Мориссон, уже успевший подумать о том, что когда все закончится, он сразу же закроет магазин и мастерскую, и отправиться домой, чтобы накачаться пивом, принялся натужно ворошить память. Скорее бы... Скорее бы отделаться от этих двоих и слинять...

– Невысокая. Русые светлые волосы, ну как песочные...

– Соломенные.

– Да, убранные в хвост. Глаза серо-зеленые, нос прямой, губы не пухлые, но и не тонкие – она все время их прикусывала, одежда совсем неприметная – серая или коричневая... Никакая, в общем.

– Рост. Точно.

– С меня! Может, чуть ниже.

– То есть метр семьдесят два, понятно. Что еще?

– У нее кроссовки были с бежевыми шнурками. Капюшон на кофте. На пальцах ни одного кольца – я почему-то заметил, ногти короткие. Ни одной лишней побрякушки – ни серег, ни цепочки. Майка серая, ноги тощие и взгляд...

– Что взгляд?

– Как у вас.

Моррисон вдруг запнулся, сообразив, что, наверное, сказал что-то не то; в магазине повисла тишина.

* * *

В 20.05, когда все вновь собрались вместе и поделились найденной за день информацией, Эльконто хлопнул ладонью по кухонному столу так сильно, что чашка с остатками кофе подпрыгнула, а чайная ложка со звоном вывалилась из блюда.

– Поверить не могу – меня преследует баба! И за что, спрашивается? И не просто баба, а баба, стреляющая из винтовки, и баба, умеющая мастерить взрывчатку. Это что за проклятье такое?

Стоящий у приоткрытого окна Рен, выпустил изо рта клуб сигаретного дыма.

– А по мне так, она вполне тебе под стать. Ты всегда хотел бабу, вот и получай.

– Это что, тонкая издевка? – Глядя исподлобья, прорычал снайпер. – Я искал другую бабу, понежнее!

– Ну, ты же ее еще не спрашивал, вдруг она печет вкусное печенье и нежно заплетает косички?

– Стив, я давно хотел надавать тебе по шапке, и, кажется, наконец, нашел повод! – Грозный взгляд отыскал стоящего за плечом доктора. – Вы о чем думаете вообще?! Меня пытаются пристрелить, а они – всем скопом, причем! – издеваются над бедным снайпером!

– Бедный. Снайпер. Не звучит. – Философски, с изрядной, впрочем, долей иронии, пробормотал сидящий на стуле Баал, которого Барт нежно покусывал за теребящие морду пальцы. То и дело слышался игривый синий полурык – давай, мол, двигай ими быстрее, а то легко ловить.

Как только на лицо Дэйна напозла тень напускной обиды, в диалог включился стратег отряда Аарон Канн.

– Ну, убить тебя никто не убьет – мы не дадим, но отловить подозреваемую надо. Причем, еще не факт, что это она. Что с того, что какая-то девка без документов арендовала машину, а потом проспала в ней всю ночь на твоей улице?

– Вообще-то, это довольно подозрительно, не находишь? – Халк Конрад бросил короткий взгляд на Канна, поднялся с одного из многочисленных кухонных стульев и приблизился к стоящему у открытого окна коллеге, размышляя, стоит ли раскурить припасенную на вечер

Кейтанскую сигару. – Зачем кому-то вообще спать на улице? Она караулила его джип, но не дождалась его и уснула. Если бы дождалась, бомба под его днищем оказалась бы на сутки раньше.

– Согласен. – Аарон кивнул. – Вероятность, что это она, большая, но, все же, не стопроцентная. Мы не можем пустить пулю в лоб человеку только из-за подозрения.

– Можем. – Безразлично откликнулся ассасин.

– Ты вообще все можешь, я уверен. Но мы так делать не будем. Сначала мы отыщем машину, затем девку, либо сразу девку, и тогда поговорим. А после разговора уже решим.

– Отдайте мне ее живой – хочу поговорить сам. – Пробудился от тишины хмурый Эльконто; его взгляд уперся в собственные пальцы, сцепленные в замок. – Я должен узнать причины.

– Без проблем. – Согласился тактик. – Отдадим, говорить будешь сам, но для начала неплохо бы ее, все-таки, поймать. Итак, друзья и коллеги, поговорим-ка мы о перепланировке сил. Логан, схемы дома и окрестных районов у тебя?

Взгляд хакера оторвался от экрана телефона; Эвертон коротко кивнул.

– Неси их сюда. Народ, подбираемся ближе, будем мозговать.

Загрохотали вокруг овального кухонного стола стулья, зашуршали разворачиваемые листы бумаги; нераскуренная Кейтанская сигара на секунду зависла под взглядом светло-серых глаз и отправилась обратно в карман.

* * *

Слежка теперь мерещилась ей всюду: из-за углов невысоких домов, из проезжающих по проспекту машин, во взглядах редких, попадавшихся навстречу прохожих – разыгрались нервы. Зря она назначила эту встречу так далеко – у затерявшейся между деревьями, в глубине центрального парка, трансформаторной будки – теперь всю эту дорогу придется мотать обратно пешком. А что делать?

Легко шагали по сухому асфальту обутые в кроссовки ноги; пахло бензином и доносимой ветром, с обмелевшей речушки под мостом, травянистой влагой. На Нордейл опустились сумерки.

Весь вечер Ани потратила на разработку деталей нового плана – откинула десятки, если не сотни заведомо проигрышных вариантов, и, в конце концов, пришла к выводу, что на этот раз одной ей не справиться – нужен напарник. Еще один убийца – «крючок», способный отвлечь внимание на себя.

За ней следили, точно следили. Возможно, пока еще не за ней, но за каждым, кто приближался к трехэтажному особняку на Пайнтон авеню. Возможно они (а в том, что вокруг дома находились многочисленные «они», Ани почему-то не сомневалась) отыскиали ее ненароком попавшее в камеру изображение, пусть она и пыталась этого избежать – да, ее или взятой напрокат машины, и, значит, по-глупому рисковать нельзя. Именно поэтому сегодня «Серпент – Вектра», тщательно протертый изнутри и снаружи тряпочкой, отправился ночевать на крытую платную парковку, расположенную под круглосуточным торговым центром. Пусть ищут. Там долго искать.

Мимо прогрохотал по мостовой массивными колесами грузовик, оставил после себя растянувшееся вдоль перил облако свежего выхлопа; Ани проводила красные фары взглядом, опустила голову, уперлась взглядом в проплывающие на асфальте трещинки и вернулась мыслями к «напарнику».

Говорят, хочешь что-то сделать – сделай это сам... Она бы и рада, но уже не выйдет. Новую позицию для снайперского выстрела не найти – вокруг лишь низкорослые соседские дома, на крыши которых не пробраться. Курьера или разносчика не подослать – двери, кроме

своих, уже не откроют никому – в этом она была уверена. Пробираться во двор заведомо провальная идея – ее снимут еще на подходе к забору. Идти навстречу цели, обвешанной взрывчаткой? К такому повороту событий она еще не готова – пока не готова.

Может быть, когда-нибудь.

Завтра? Послезавтра? Может, ее жизнь и не жизнь вовсе, а жалкое подобие, но вечерний воздух все еще пахнет травами, все еще сияют, радуя глаз, далекие огни небоскребов, все еще поют по утрам в приоткрытую форточку птицы. Жизнь легко оборвать и невозможно вернуть, а, если так, стоит ли торопиться?

Остается «напарник». Человек, которого она, по сути, подставит – заменит им себя. И, пока Эльконто будет целить в другого, она выстрелит ему в затылок из-за угла. Из тени. И успеет скрыться. Это, если все пройдет хорошо. Если...

Пронеслись по мосту еще несколько машин – съехали с пригорка, остановились у далекого перекрестка; одновременно зажглись стоп-сигналы. Справа, за перилами, шевелилась, овеваемая ветром, зеленая трава; остывший ветерок пробирался под тонкую спортивную кофту, ласкал разгоряченный, длительной ходьбой затылок. Ани оторвала взгляд от земли и посмотрела на небо – на далекие темно-синие неровные облака – втянула одновременно легкий и тяжелый аромат ночного города и подумала о том, что жизнь, пусть даже такая жизнь, все-таки, хорошая штука и о том, что не хотелось бы ее терять.

Еще через пять минут по правой стороне показалась высокая кованая ограда центрального парка Нордейла.

* * *

– Зачем перед выстрелом я должен въехать ему в машину? Какой смысл?

Пришедший на встречу мужик, оказался не дураком – Ани никак не могла решить, плюс это или минус, но собственную роль продолжала играть безупречно: она – обиженная девушка, которой изменил парень. Бывший парень. Ведь нельзя все так и оставить? Надо наказать, да, наказать. Убить жестоко? А рога наставлять не жестоко? Она ведь платит, так что, меньше вопросов, дядя.

– Въехать нужно за тем, чтобы он подумал, что это простая авария, и вышел разговаривать.

– А так он подъедет к дому и не выйдет, что ли?

– Он очень быстро скроется с глаз – мало времени. Или вообще запаркуется в гараже. – Она вовремя поймала себя на том, что переключилась на сухой профессиональный тон и быстро вернулась к фальшивому раздраженному. – А если вы врежетесь ему в багажник, притворитесь пьяным или неосторожным водителем, вы его задержите на улице. (Для меня) Сумеете выйти сами, дождетесь, пока выйдет он, и сделаете выстрел.

– Ты хочешь, чтобы все было именно так?

– Да, так. Я буду наблюдать издали, сидя в машине. Хочу убедиться, что он мертв.

– Злобная ты стерва.

Ани промолчала. Шевелился от ветра, растущий на углу зеленый куст; к этому моменту в парке полностью стемнело, вдоль центральных аллей зажглись фонари, но сюда их свет не пробивался, и серовато-белая будка, как и стоящие рядом люди, тонула во мраке.

Мужик, назвавшийся Ридом, курил. Она не стала. Незачем оставлять лишние детали, особенно, если что-то пойдет не так – покурит позже, когда останется одна.

– А кто будет платить за разбитую машину?

– Я.

– Богатая ты. – Фыркнули из темноты.

Буду бедная, – не стала произносить Ани вслух. – Убьешь ты его или нет – скорее всего, нет – но после этой оплаты у меня останется на жизнь всего пять тысяч. Жалкие пять тысяч на, возможно – ей так хотелось на это надеяться – новую жизнь. Совершенно другую жизнь.

(Главное, создай для меня заветную паузу, отвлеки на себя внимание и задержи его на улице, и тогда я заплатила не зря)

– Во сколько он появится у дома?

До этого они больше препирались, нежели говори по существу – этот же вопрос означал, что незнакомец, все-таки, берется за работу.

– Он возвращается около восьми. Адрес, имя и описание машины, на которой он подъедет тут.

Ани-Ра достала из нагрудного кармана два свернутых вчетверо листа.

– Если не в восемь, то в половине девятого.

– Деньги?

– Половину отдаю сейчас. Остальное после выполнения.

Рука нащупала в кармане тугую пачку из снятых ранее в банкомате купюр, извлекла ее на свет и положила в мужскую ладонь.

– В том, что мертвый, сама будешь убеждаться?

– Хотите вторую часть суммы? Тогда лучше, чтобы он был мертвым.

Мужик усмехнулся – изо рта дохнуло табаком. Он не верил таким, как она – мстительным дурам, и презирал их, но Ани было на это глубоко наплевать – главное, чтобы он запомнил ее именно такой: обиженной, туповатой и мстительной. И уж кого из них следовало презирать, так это его, Рида, потому что только идиот мог в мирной жизни добровольно выбрать профессию убийцы, а, значит, им и жертвовать не жалко.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.